Ю. М. Иванов

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ В СВЕТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КОНЕЦ XIX ВЕКА - НАЧАЛО XXI ВЕКА.

ОТ ТОТАЛИТАРИЗМА К РЫНКУ

(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Москва
2006

Иванов Юрий Михайлович – выпускник философского факультета МГУ 1952 г. Кандидат экономических наук, доктор исторических наук. Профессиональная специализация – социальная история в свете трансформации экономических отношений. С 1970 г. работал в Институте международного рабочего движения РАН. В 1994 г. за профнепригодностью уволен на пенсию. Оказавшись на пенсии, продолжал работать по социально-экономическим проблемам.

Тел. 252-26-06.

В 2005-2006 гг. по проблемам социальной истории России (конец XIX-начало XXI века) опубликованы следующие работы:

На пути свержения царизма.	3,5 усл.печ. л.
От попыток штурмовать небо к земным обескураживающим заботам.	3,75 усл.печ. л.
В большевистских тупиках нэпа.	4,25 усл.печ. л.
В сталинском “раю”.	7,25 усл.печ. л.
От тоталитаризма к рынку	5,5 усл.печ. л.

СОДЕРЖАНИЕ

Посвящается памяти отца, Иванова Михаила Николаевича, и матери, Цывкиной Рейзл Давидовны, отдававших все силы, чтобы помочь преодолеть препоны антисемитизма на пути моих занятий наукой.

ОТ АВТОРА

Когда в российской, а порой и в зарубежной, печати пишут о холокосте, отмечая в лучшем случае лишь антисемитизм отдельных наших чиновников, анализ обычно сводится к обоснованию утверждения о том, что Россия была главным противником Гитлера и, потому, спасительницей евреев от полного нацистского уничтожения.[1] При этом сознательно либо невольно умалчивается, что в холокосте участвовали не только гитлеровцы, но и партийно-государственный аппарат коммунистической России, где антисемитские гонения порой перерастали в массовые уничтожения евреев в концлагерях и спецпоселениях.

Отвратительные погромы и подлые ограничения на занятия общественной и государственной деятельностью существовали для евреев СССР и ряда коммунистических стран Европы в течение многих лет после поражения гитлеризма. Что же касается нынешних совместных выступлений коммунистов и фашистов, то это лишь современное проявление их старой общности – совместной ненависти к еврейскому народу, обостренной теперь существованием процветающего государства Израиль.[2]

Неискушенному читателю, не познавшему на себе всех "прелестей" коммунистического режима, может показаться странным, что, имея фамилию Иванов, ее носитель мог иметь трудности с устройством на работу вообще и занятиями наукой в частности. Подобные иллюзии могут возникнуть потому, что не учитывается

[1] С этой точки зрения одной из наиболее типичных является книга Константина Симонова "Стихотворения. Размышления". Екатеринбург, 2005, где все сводится к традиционному коммунистическому воспеванию "подвига партии, армии и народа".

[2] Примером такого трогательного содружества может служить книга Ю. Мухина "Как уродуют историю твоей родины?" М., 2005. Подзаголовок ее "вступления" означен фразой "Зачем фальсифицируется история России евреями.

существование, как гитлеровской Германии, так и в сталинском СССР одного и того же анкетного пятого пункта, в котором требовалось указывать национальность не только отца и матери, но и их ближайших родственников. Я не говорю уже здесь о своих семитских, быть может, некрасивых, но для меня вполне подходящих чертах, которые также при необходимости можно было использовать для доказательств сионистского происхождения моего генеалогического древа.

Чтобы заняться наукой, мне пришлось почти 10 лет выискивать малейшую возможность, сулившую хотя бы в отдаленной перспективе стать научным сотрудником. То, что я в конце концов стал кандидатом экономических наук и доктором исторических наук – это итог не столько упорной работы, сколько счастливого стечения обстоятельств. Обстоятельств, которых у многих, зачастую талантливее меня евреев, не было, и они у себя, на родине, оставались за бортом науки, вынужденные перебиваться бог весть какими заработками.[3]

За многие годы научной работы мне довелось иметь дело со многими выдающимися исследователями, так или иначе разделявшими мои научные убеждения либо оказывавшими помощь в решении возникавших проблем, в том числе с замечательным ученым, моим научным руководителем Максимовым Михаилом Алексеевичем, который дал мне путевку в научную жизнь, с В. Я. Аболтином, с Р. А. Ульяновским, Н. А. Симония, А. А. Поляком и многими другими. Всех их здесь невозможно перечислить. Будучи прекрасными знатоками своих стран, они предлагали нестандартные, расходившиеся с официальными подходы к решению общевостоковедческих проблем.

Талантливые российские ученые, как правило, отвергали антисемитизм. Для них это было своеобразной формой негласного протеста против навязанных им сверху постыдных директив. Гонения евреев были уделом ущербных, тех, кто не умея и не желая заниматься наукой, строил свою карьеру на рьяном выполнении, как правило, конъюнктурных, тупиковых в научном отношении установок, лейтмотивом которых была борьба с злокознями сионизма.

Чтобы излагать свои мысли на понятном читателю языке, мне пришлось у многих учиться. Среди них не могу не выделить Панасьянц Мариам Давидовну. В течение многих лет она редактировала мои публикации в издательстве "Восточная литература". У нее я учился азам литературного изложения научного материала. До сих пор, когда я пытаюсь сформулировать свою мысль, я часто спрашиваю себя, что бы сказала по поводу того или иного варианта Мариам Давидовна.

[3] О том, как это было, ярко рассказано в известной книге Шноля С. Э. Герои и злодеи российской науки. М., 1997.

Наконец, без высокого профессионализма и доброжелательного отношения сотрудников таких библиотек, как “ленинка”, “историчка”, бывшая ИМЭЛ, и нынешний ГРАСПИ многие научные проблемы так и остались бы нерешенными. Создается впечатление, что большинство сотрудников этих библиотек лучше понимают громадное значение современных рыночных преобразований в России, чем многие признанные научные авторитеты, работы которых приходилось мне читать.

ОТ ТОТАЛИТАРИЗМА К РЫНКУ

Современная эпоха – эпоха господства социализма. Между тем споры в России и за рубежом о том, развивается ли сегодня капитализм или нет, до сих пор не утихают. Отчасти это объясняется тем, что социализм оказался далеко не таким безоблачным “царством труда и свободы”, каким представляли его адепты в XIX веке, в том числе и марксисты; отчасти тем, что социалистическая трансформация общества в отсталых странах и странах с развитой рыночной экономикой протекала по-разному.

В отсталых крестьянских странах с неразвитым рынком и городским населением, сохранявшим обширные экономические связи с деревней, социальной опорой перехода к общественному производству послужила числено преобладавшая деклассированная беднота. Опираясь на нее, партии коммунистической ориентации искореняли частную собственность на средства производства и предметы потребления. Реквизированное они использовали для своих нужд, насильно принуждая население трудиться на себя. Указанные отношения служили экономическим основанием безраздельной диктатуры захвативших власть партий, в которой не было места для какой-либо самодеятельности масс.

В отличие от этих стран в государствах с рыночной экономикой и обширным городским населением частная собственность на базе акционерных обществ трансформировалась в общественный капитал, открывая на много большие чем при капитализме возможности для участия масс в общественной жизни и отстаивании ими записанных в конституциях прав.

Указанные различия перехода к социализму сказались и в неодинаковом осмыслении глобальных процессов становления социалистической формации. Для коммунистов частная собственность и рынок – синоним, присущий исключительно ненавистному капитализму, тогда как для тех, кто не приемлет ужасов построенного на насилии “рая”, частная собственность и рынок сплошь да рядом представляются счастьем свойственным лишь капиталу.

Что же касается России, то она занимала промежуточное положение между городским Западом и крестьянским Востоком. Здесь еще в XIX веке возникли крупные центры фабричной промышленности, население которых сохраняло обширные социально-экономические связи с деревней, где численно преобладала деклассированная беднота. Последняя стала той массовой базой, которая после революции позволила большевикам захватить безраздельную власть, покоившуюся на насильственном принуждении к труду. Для деревенской бедноты

частная собственность и рынок были синонимом их эксплуатации, а те, кто персонифицировал эту собственность – врагами, которых беспощадно преследовали спекулировавшие на их пожеланиях большевики.

Не подлежит сомнению, что остов сталинского режима с его с его насильственным принуждением к труду и внерыночным распределением потребительских стоимостей был заложен при Ленине после прихода к власти большевиков. Именно благодаря его стараниям большевистская партия утратила черты избираемой населением организации, превратившись в несменяемый низами локомотив государственного аппарата, используемого для максимального извлечения прибавочной стоимости и уничтожения частных собственников. В результате внеэкономического изъятия продовольственных "излишков" личное потребление населения в городе и деревне было сведено к голодному минимуму. Под флагом "выработки коммунистического человечества из материала капиталистической эпохи"[4] стремительно нарастал геноцид российского народа.

В этой связи весьма характерно указание, отданное 1-го ноября 1918 г. одним из руководителей ЧК М. И. Лацисом: "Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательства того, что обвиняемый действовал словом и делом против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого".[5]

Заметим, что почти столетние кровавые деяния свергнутого большевиками самодержавия порой не превышали большевистских преступлений в течение одного дня. "За период 1825-1917 г., – пишет С. Куртуа, – в России было приговорено к смертной казни за политические преступления 6360 чел., в 3932 случаях приговоры были приведены в исполнение: 191 – с 1825 по 1905 г. и 3741 – с 1906 по 1910 г. Но большевики превысили эти цифры уже к марту 1918 г., всего за четыре месяца пребывания у власти".[6]

[4] См. Бухарин Н. Экономика переходного периода. Часть 1. Общая теория трансформационного процесса. М., 1920. С. 146; Ленинский сборник XL. М., 1985. С. 424.

[5] Цит. по: Куртуа С. Преступления коммунизма.//Куртуа С., Верт Н., Панне Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголин Ж. Черная коммунизма книга. Преступления, террор, репрессии. М., 1999. С. 40.

[6] Там же. С. 45.

Решая национальный вопрос, Ленин задолго до Октябрьской революции придерживался установок на русификацию всех народов России и полагал, что всемирным языком может быть не английский, а русский,[7] что вытекало из его представлений о существовании в будущем системы максимально централизованного производства и распределения, обязывающего все население России исполнять распоряжения единого органа. Объективно это были бессознательные идеи превосходства русского человека над инородцами, среди которых наихудшими в представлении деклассированных масс были евреи. Впоследствии эти бессознательные идеи переродились в откровенный антисемитизм.

О том, насколько последний был распространен среди вождей российской социал-демократии, свидетельствует гневная тирада Плеханова о том, что бунд является организацией "эксплуатирующей русских..., что евреи сплошь националисты и шовинисты... что русская партия должна быть русской, а не давать себя в "пленение "колену гадову".[8]

Идеология большевизма с самого своего рождения бессознательно носила черносотенное клеймо, на что указывали Ленину задолго до Октября. "П. Б. Аксельрод в 1918 г. писал о Ленине и ленинцах: " не из политического задора, а из глубокого убеждения я характеризовал 10 лет тому назад ленинскую компанию как *шайку черносотенцев и уголовных преступников*". П. Б. Струве "определял большевизм как *черносотенный социализм* и как смесь западных ядов с истинно русской сивухой".[9]

Справедливости ради следует сказать, что в конце жизни, уже будучи больным, Ленин расстался с идеалами социализма деклассированной русской бедноты, отрицавшей частную собственность и рынок и ратовавшей за уравнительное распределение государством потребительских благ. В своих последних работах он наметил переход к рыночной экономике, открывая возможность республикам в рамках рынка отстаивать на коренном языке свои собственные национальные интересы. При этом он по-прежнему полагал, что продолжает патерналистски защищать интересы

[7] Ленинский сборник М., 1957. С. 64.

[8] Цит. по: Логинов В. Владимир Ленин. Выбор пути: Биография. М., 2005 С. 387. Плеханов говорил это Ленину и Потресову. Их "возражения против этих неприличных речей ни к чему не привели".

[9] Гуль Р. Я унес Россию. Т. 3. М., 2001. С. 247.

пролетариата, тогда как на самом деле эти интересы были интересами приспосабливавшегося к возрождению рынка директората.[10]

Как известно, после смерти Ленина механизм эксплуатации эпохи военного коммунизма в целом продолжал сохраняться. В его существовании были заинтересованы те, кто, поддерживая Сталина, получал в иерархии партийно-государственного аппарата чины, обеспечивавшие достаток, несравнимый с нищенским состоянием населения, а также бесконтрольную от низов власть.

Искоренивший рыночные ростки "год великого перелома" вдохнул новую жизнь в уцелевший от эпохи военного коммунизма механизм. Насильственное изъятие хлеба и денег у замордованной деревни сопровождались такими гонениями на их обладателей, перед которыми померкли репрессии эпохи военного коммунизма. По социальному признаку уничтожались миллионы крестьян, перед которыми меркнут ужасы Хиросимы и Нагасаки. Их могилы послужили основанием необъятной власти Сталина.

В связи с этим началось массовое сокрытие тех документов Ленина, которые противоречили политическому курсу Сталина, объявившего себя наиболее последовательным его учеником, единственно способным правильно толковать его учение. Согласно данным, приведенным в записке для ЦК, подписанной 14 декабря 1991 г. директором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г. Л. Смирновым, на эту дату было не опубликовано 3724 ленинских документа.[11] До сих пор они скрыты в различного рода архивах и хранилищах.

Однако, КПРФ при всем своем демонстративным пиетете к ленинскому наследию не желает их разыскивать и публиковать. Для нее образцом коммунистического вождя по-прежнему остается Сталин. Разумеется, к Ленину можно относиться по-разному. Однако вместо призывов сохранить его подрумяненное макияжированное тело в мавзолее, лучше было бы без коммунистических прикрас показать, чего он действительно добивался на различных этапах своей жизни.

Оценка его деятельности – предмет неутихающих споров. Однако не подлежит сомнению, что он принадлежит к числу тех, кто оставил заметный след в истории России. Ленин достоин того, чтобы его посмертная просьба была выполнена. Как известно, он просил похоронить себя не в Москве с ее мавзолеем, превосходящим

[10] См. Иванов Ю. М., Чужой среди своих (Последние годы жизни Ленина), М., 2002.

[11] Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 54.

великолепие надгробий царей, а в Питере, на Волковском кладбище рядом со скромной могилой своей матери, еврейкой Марии Александровны Бланк, беззаветно помогавшей всем, кто боролся с самодержавием в рядах народовольцев и коммунистов.[12]

Чтобы сохранить власть, Сталин не считался с жертвами населения на фронте и в тылу. По его указаниям смертность и страдания намного превысили показатели любой воюющей страны, в том числе и поверженных фашистских государств Германии, Италии и Японии. Беспримерные по жестокости распоряжения издавались одно за другим. 26 декабря 1941 г. был издан закон о введении военного положения на предприятиях, связанных с оборонным производством. Если происходили крупные аварии, то виновные приговаривались к расстрелу. Рабочий день за счет сверхурочных, ночных смен и повышенных норм выработки практически стал неограниченным. Рабочие сутками не покидали цехов. В условиях колоссально возросшей инфляции их номинальные заработки понизились. Этому же способствовали всевозможные вычеты. «Основной формой наказания за нарушения порядка и дисциплины на предприятиях, – пишет А. К. Соколов, – оставалась ответственность по закону от 26 июня 1940 г. В ноябре 1942 г. к штрафным санкциям, то есть вычету 25% заработка, добавилось снижение хлебных норм» (на предприятиях вновь возродились орсы (отделы рабочего снабжения), в которых отоваривание карточек производилось по указаниям руководителей предприятий – Ю. И.). В 1942 г. почти на 1,3 млн. работников были наложены штрафы, 297 тыс. наказаны тюремным заключением от 2 до 4 месяцев; в 1943 г. соответствующие цифры составили 962 тыс. и 160 тыс., в 1944 г. – 893 тыс. и 168 тыс.[13]

В феврале 1942 г. был издан закон о мобилизации на заводы невоеннообязанных мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет. В результате в основном в деревне были мобилизованы 12 млн. чел., главным образом женщины и подростки, подлежавшие призыву в школы трудовых резервов.[14] Деревня была опустошена: она лишилась лошадей и механизмов, мобилизованных на фронт мужчин, работоспособных женщин и подростков, которые теперь трудились в промышленности, а также лошадей и механизмов. Колхозные поля

[12] О происхождении Ленина и его юношеских годах наиболее подробно написано В. Логиновым в его известной книге "Владимир Ленин. Выбор пути...

[13] Соколов А. К. Влияние войны на социально-трудовые отношения на советских предприятиях//Россия в XX в. Война 1941-1945 годов. Современные подходы. М., 2005. С. 27.

[14] См. Там же. С. 24-26.

зарастали быльем. А ведь именно производство колхозниками дармового хлеба на этих полях составляло главный стержень сталинского механизма максимального присвоения властями прибавочной стоимости за счет проживавших в невероятной нищете непосредственных производителей.

Не выдержав испытаний войной, сталинская система эксплуатации впала в глубокий коллапс. Чтобы выйти из него в обстановке невиданного голода, в городах потребовались неисчислимые жертвы и страдания, сравнимые с жертвами и страданиями населения блокадного Ленинграда. 15 ноября 1943 г. было принято постановление СНК СССР № 1263-379, подписанное Сталиным и Чадаевым. В соответствии с постановлением, «с 21 ноября 1943 г., – пишет В. Ф. Зима, – в городах вводились новые, сниженные относительно прежних в среднем на треть, нормы снабжения хлебом. 400 г. хлеба в сутки на взрослого и 300 г. – на ребенка: такова была норма в г. Москве. В провинции на 100 г. меньше, как взрослому, так и ребенку... Примеси в хлеб ячменя, овса и проса увеличивались от 25 до 40%... Эвакуированным, как взрослым, так и детям, норма продажи хлеба была сокращена с 400 до 200 г. в день».

В результате примерно 1,5 млн. чел. стали жертвами голода, обрушившегося на страну без учета его жертв в лагерях и спецпоселениях. О его трагических последствиях свидетельствовали многочисленные случаи каннибализма в крупных городах. “По донесению Генерального прокурора СССР К. Горшенина в СНК СССР (В. Молотову) и в ЦК ВКП(б) (Г. Маленкову), – пишет В. Ф. Зима, – факты убийства с целью людоедства были зарегистрированы в Архангельске, Кемерове, Кирове, Молотове, Омске, Свердловске, Чите, Чкалове, Красноярске и др. городах. Страшные злодеяния творили люди с помутившимся от голода сознанием и совершенно расстроенной психикой”.[15]

Не подлежит сомнению, что главным виновником голода в городах был возглавляемый Сталиным госаппарат. Чины партийно-государственной иерархии продолжали жить преуспеваючи, тогда как массы терпели неслыханные даже в прошлом лишения. Социальные контрасты городской жизни достигли невероятных размеров. В этих условиях, чтобы сбить накал стихийного возмущения масс, по указанию Сталина развертывается антисемитская пропагандистская кампания, и организуются еврейские погромы. Масштабы преследования евреев опережали масштабы сталинского геноцида всего советского народа:

[15] Зима В. Ф. Менталитет народов России в войне 1941-1945 годов//Россия в XX в. Война 1941-1945 годов... С. 72-74.

чем больше был геноцид, тем в еще большей степени ужесточались и становились массовыми антисемитские преследования.

Сталинский холокост отличался от холокоста гитлеровцев. В отличие от не оглашавшихся сталинских установок Гитлер на каждом шагу громогласно заявлял, что он собирается очистить человечество от “еврейской скверны”. Подобные призывы сплачивали евреев на подвластных нацистам территориях в единый народ, который отстаивал право на собственное существование.

В гетто евреи “мужественно сопротивлялись варварской политике гитлеровцев. Игнорируя приказы немцев, они организовали медицинскую помощь, проводили просветительные и религиозные мероприятия, оказывали социальную поддержку. Действовали синагоги и нелегальным путем доставлялись продукты питания. Женщины продолжали рожать в подпольных родилках. Тайно сохраненные радиоприемники приносили узникам гетто сведения о поражениях гитлеровских войск”.[16] Наряду с этим, в гетто и в лагерях создавались подпольные группы (“Яд Вашем”), ставившие целью вооруженную борьбу с гитлеровцами. В лесах Белоруссии и Украины, в Восточной Литве десятки тысяч евреев сражались с гитлеровцами в еврейских и многонациональных отрядах.

В итоге этой борьбы, говоря словами И. Эренбурга “евреев стало меньше, чем было, но каждый еврей стал большим, чем был”.[17] Он стал частицей единого гонимого народа, создавшего позднее демократическое государство Израиль, чтобы защитить себя от бытового и государственного антисемитизма.

Иначе сложилась судьба евреев в Советском Союзе, где сталинский режим из-за неграмотности и невежества широких масс был вынужден использовать евреев на руководящей работе, заставляя многих из них объявлять себя русскими с соответствующей заменой фамилий. Однако при этом анкетные данные с пресловутым пятым пунктом в аппарате Маленкова продолжали сохраняться.

Формально антисемитизм был запрещен. Евреям не возбранялось сражаться в рядах Красно Армии. Известно, что в сражениях против гитлеровской Германии на всех фронтах второй мировой войны

[16] Черная книга. О злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941-1945 гг. Составлена под редакцией Василия Гроссмана, Ильи Эренбурга. Киев, 1991. С. XII. Книга напечатана по рукописи сборника, составленного под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга. Ее набор в 1948 г. был уничтожен.
[17] Там же С. XX.

участвовало не менее полутора миллионов евреев – из них 600 тыс. в подразделениях США и 500 тыс. – в подразделениях Красной Армии.[18]

Тем не менее, лишь на контролируемых советскими коммунистами оккупированных территориях не оказывалось организованной помощи борьбе евреев против фашизма. "Насколько известно, – обосновано пишет И. Ард, – как со стороны советского правительства, так и со стороны коммунистической партии не было ни одного обращения к подпольным организациям или местному населению оккупированных территорий, призывавшего оказывать помощь советским гражданам евреям, жертвам фашистской политики тоталитарного уничтожения".[19] Еврейское антифашистское движение здесь фактически находилось на положении незаконнорожденного дитя, предоставленного самому выживать в условиях поголовной ликвидации евреев гитлеровцами и их пособниками, что не мешало советскому командованию пользоваться сведениями, поступавшими от еврейских партизанских отрядов, действовавших за пределами СССР в границах до сентября 1939 г. В частности, сведения о дате и времени предстоявшего наступления немцев на Курской Дуге были получены от одного из таких отрядов, действовавших на территории Польши.

В отличие от Гитлера Сталин никогда не афишировал свой антисемитизм. Более того, он не раз публично осуждал его, что не мешало ему отдавать устные распоряжения о проведении в стране продуманных антисемитских акций с целью предотвращения выступления масс против своего режима.

Обострившийся в годы военного лихолетья социально-экономический кризис сталинской модели социализма продолжал углубляться и после окончания войны. Оккупация стран Восточной Европы, сопровождавшаяся новой гонкой вооружений и началом холодной войны, съедала последние скудные ресурсы разоренной войной страны. Бедствия рабочих и крестьян превзошли крайности довоенных лет. Их заставляли еще больше голодать и носить немыслимо рвущиеся довоенные обноски.

Массовые расстрелы, сопровождавшиеся рекордным перемалыванием жизней в концлагерях и спецпоселениях, уже не могли остановить роста возмущения масс, на собственном опыте убедившихся

[18] См. Маляр И. Еврейский народ в борьбе против нацизма в годы второй мировой войны.//Холокост. Сопротивление. Возрождение. Москва-Иерусалим, 2000. С. 99.
[19] Ард И. Нацизм и уничтожение евреев в Европе в годы второй мировой войны//Холокост... С. 80.

в изобильном (по советским меркам) достатке тех, кто жил в так называемых "капиталистических" странах.

Сократившееся до 32 млн. население разоренных колхозов было не в состоянии прокормить возросшее после окончания войны население городов. В 1947 г. в стране вновь наступил немыслимый голод. Как и в годы "великого перелома" умиравших от голода собирателей колосков приговаривали к лишению свободы. Но теперь их сроки заключения продлевали до 25 лет. По данным профессора М. Элмана (Амстердамский университет в Нидерландах; Российская экономическая школа в Москве) погибло 1-1,5 млн. голодающих в условиях, когда находившихся в распоряжении государства запасов продовольствия было достаточно, чтобы накормить всех тех, кто умер от голода.[20] Каннибализм вновь стал обычным явлением. При сталинском режиме сопутствовавший голоду массовый каннибализм исчезал лишь эпизодически, имея тенденцию превратиться в устойчивую традицию советского народа.

Чтобы преодолеть продовольственные трудности, были привычно понижены закупочные цены. В 1952 г. эти цены на зерно, мясо, свинину были ниже, чем в 1940 г. Цены на картофель не окупали даже транспортные расходы. Зато Маленков с цифрами в руках мог в очередной раз цинично заявить о полном решении зерновой проблемы в СССР, после чего потребовалось всего два года, чтобы его цифры были объявлены липовыми.[21]

Обстановка в стране накалялась все больше и больше. В здании сталинского социализма впервые появились неустранимые трещины. В лагерях начались бунты, мятежи и восстания, подавлявшиеся с участием воинских подразделений, использовавших бронетехнику и авиацию. По далеко неполным данным, бунты заключенных были в 1946 г. на Колыме, в 1947 г. – в Усть-Виме (Коми АССР) и Джезказгане (Караганда), в 1948 г. – в Салехарде, в 1950 г. – в Салехарде и Тайшете, в 1951 г. в Джезказгане (Сахалин), в 1952 г. – в Вожеле (Коми АССР) и

[20] Эллман М. Голод в СССР в 1947 г. в свете проблемы "доступа к продовольствию".//Экономическая история. Ежегодник. М., 2005. С. 320.
[21] Заявление было сделано на XIX съезде КПСС. Вопреки нынешним заверениям коммунистов о рабоче-крестьянском происхождении их партии, в сталинские годы доля рабочих и крестьян была ничтожной. "Западные исследователи, пользуясь сведениями об образовании делегатов съездов, данными местных партийных конференций и прочим подсчитали, что к XIX съезду КПСС (1952 г.) -- последний съезд при жизни Сталина – процент рабочих среди делегатов составлял лишь 7,6, а крестьян 7,8". Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 г. до наших дней. London, 1986. С. 530.

Молотове (Красноярский край). Аналогичные волнения были и на "воле", в которых порой принимали участие и воинские подразделения.

Понимая опасность сложившейся ситуации, Сталин, чтобы отвлечь гнев умиравших по его вине масс, целенаправленно переключал их негодование на мифические еврейские "козни". В частности, по его указанию в Москве, на заводе его имени (ныне Лихачева) был обнаружен "заговор"- главный конструктор завода Файнциммер вместе с другими работавшими на заводе евреями был обвинен во вредительстве по заданиям якобы занимавшихся шпионской деятельностью сионистов и США. По другому распоряжению Сталина секретарь МК Хрущев организовал антисемитский погром на 30-м авиационном заводе, где рабочие были недовольны условиями работы. Здесь им раздали дубинки для того, чтобы в конце рабочего дня они могли избить своих евреев.[22]

Это лишь единичные, ставшие со временем достоянием гласности случаи гонения евреев в Москве, где благодаря стараниям выслуживавшегося первого секретаря МК антисемитских гонения стали частью повседневной жизни. Еще более удобная обстановка для таких гонений сложилась на периферии, где предававших их гласности иностранцев практически не было. Так, на Украине, где первым секретарем ЦК был Г. М. Мельник, а председателем совета министров выдвиженец Хрущева Д. С. Коротченко, антисемитская политика проводилась открыто. "Газеты пестрели еврейскими фамилиями людей, обвиненных в надуманных ошибках, грехах и преступлениях. Евреев арестовывали, выгоняли с работы, на улицах их подвергали оскорблениям. В Киеве, Харькове и других городах прокатилась волна погромов. Были введены негласные ограничения при приеме евреев на работу и в высшие учебные заведения".[23]

Своего пика антисемитская истерия в СССР достигла при Сталине 13 января 1953 г., когда в газетах появились сообщения об "убийцах в белых халатах". На всех предприятиях прошли митинги, гневно осуждавшие "еврейских убийц", намеревавшихся погубить самого Сталина. Сообщения об этих митингах с принятыми антисемитскими резолюциями заполняли все газеты от "Правды" до стенных листков на предприятиях.

Сталин лично разработал сценарий разоблачения "еврейского заговора". О нем подробно рассказано в цитированной нами книге М. Геллера и А. Некрича. "Акт первый – осуждение врачей судом и их полное признание. Акт второй – смертная казнь через повешение.

[22] См. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти... С. 556-557.
[23] Там же.

Утверждают, будто казнь должна была быть произведена, как в старину, на лобном месте, т. е. на Красной площади в Москве. Акт третий – еврейские погромы по всей стране. Акт четвертый – обращение известных деятелей культуры еврейского происхождения к Сталину с просьбой защитить евреев от погромов, разрешить им покинуть крупные города и приобщиться к земле. Акт пятый – массовая депортация евреев "по их собственной просьбе" в восточные районы страны (где им было уготовлено под защитой чекистов, "ограждавших их от народного гнева", трудиться на валке леса и строительстве дорог – Ю. И.)".

Указанный сценарий по поручению вождя был подробно изложен членом президиума ЦК КПСС видным философом Д. Чесноковым, в подготовленной им к публикации книге, объяснявшей причины депортации евреев. Книга включала и текст обращения уже подписанного еврейскими представителями культуры. Д. Чесноков ждал лишь сигнала, чтобы она была издана массовым тиражом, но готовый набор к его досаде пришлось рассыпать.[24]

В отличие от оккупированных гитлеровцами территорий, где евреи вступали в контакты с гитлеровцами лишь для того, чтобы по мере возможности сократить страдания уничтожавшегося нацистами еврейского народа, в Советском Союзе сталинисты сплошь да рядом использовали евреев для заполнения ими вакансий сексотов и руководителей карательных органов. На этой почве постоянно тлели очаги антисемитизма, которые по сигналу Сталина раздувались в пожары преследований еврейского населения.

Постыдное заявление Л. Кагановича "я не еврей, я коммунист" типично для этой когорты, с утроенным рвением доказывавшей свою преданность сталинскому режиму вообще и в ревностном преследовании евреев в особенности. Подобные традиции участия евреев в антисемитских акциях сложились еще в дореволюционной России. Известно, например, что одним из первых основателей и руководителей московского Союза русского народа был крещеный еврей В. А. Грингмут.

Еврейская карта не была единственной, с помощью которой Сталин пытался упрочить свою пошатнувшуюся власть, другой его картой были обвинения в шпионаже и контрреволюционных намерениях ведущих членов политбюро. В кулуарах Молотову приписывали шпионаж в пользу США, Ворошилову – в пользу Англии. КГБ был выведен из подчинения Берии и т. д. В недрах ЦК для

[24] Там же. С. 559.

последующих арестов на них открыто готовился компрометирующий материал.

Фактически Сталин вновь пытался повторить кровавую чистку верхушки партийно-государственного аппарата, удавшуюся ему в 30-х годах. Однако теперь такая чистка стала уже невозможной. Как показало ленинградское дело (дело Кузнецова-Вознесенского), он еще мог по своему желанию уничтожить любую крупную политическую фигуру, но не спевшееся за долгие годы политбюро. Те, кого Сталин заставлял готовить позорящий компромат, постоянно учитывали неизбежные для себя роковые последствия как со стороны самого вождя, не любившего оставлять в живых участников своих интриг, так и со стороны тех, кого эти интриги были призваны устранить.

На этой почве среди опальных лидеров молчаливо зрел антисталинский заговор. Устранить Сталина от власти при том культе непогрешимости, который они ему старательно создавали, могла только смерть. До сих пор остаются невыясненными многие детали свершившейся кончины. Однако не подлежит сомнению одно: возглавлявшаяся Сталиным иерархия властных полномочий продолжала сохраняться, порождая подковерную борьбу между претендентами на его место непогрешимого вождя.

Победителем из нее вышел Хрущев, раньше своих конкурентов уловивший, что реальная власть в стране принадлежит секретарям обкомов, опасавшихся репрессий Политбюро и КГБ. "Секретари обкомов хотели,- обосновано указывают М. Геллер и А. Некрич, – быть свободными от страха, от наблюдения за ними местных начальников управлений государственной безопасности. Они были лояльны центру, но хотели большей самостоятельности в решении местных дел и гарантии личной безопасности".[25]

Все это им дал Хрущев, разоблачив на XX съезде КПСС культ Сталина с его необоснованными репрессиями, которым подвергался *лишь партийно-государственный аппарат,* (массы оставались за кадром), после чего началось повсеместное уничтожение дел, свидетельствовавших о причастности к репрессиям тех, кто теперь обладал властью. Ставшее тогда крылатым выражение "мы дети XX съезда" на деле было признанием поддержки курса Хрущева, которому теперь приходилось устранять прорехи в хозяйстве сталинского социализма.

При Хрущеве резко уменьшилось использование труда заключенных, поскольку, с одной стороны, социальное происхождение перестало быть критерием виновности, дав возможность

[25] Там же. С. 570.

реабилитироваться основной массе политических заключенных, с другой, – труд в лагерях стал невыгодным из-за падения и без того низкой производительности труда и сознательных поломок ограниченно использовавшихся механизмов. К началу 60-х гг. число заключенных стабилизировалось на уровне 900 тыс. чел. против 2,6 млн. чел. в 1952 г., из которых 300 тыс. были уголовники и рецидивисты.[26]

Вместе с тем сохраняла силу 70-я статья уголовного кодекса, согласно которой всякое лицо, ведущее пропаганду против советской власти, а также занимающееся клеветой и дискредитацией государства и общества, могло быть арестовано и отправлено в лагерь на срок от 6 месяцев до 7 лет с последующей ссылкой на срок от 2-х до 5-ти лет. Статью 70-ю дополняла статья 190, устанавливавшая наказание за недоносительство об антисоветских преступлениях. Наказание предусматривало лишение свободы на срок от полгода до трех лет, которое могло быть заменено отправкой на стройки народного хозяйства. Указанные статьи служили основанием для превращения "в лагерную пыль" тех, кто был не согласен с политикой, проводимой Хрущевым и его командой.

Эти же статьи применялись и против участников народных волнений. Вольный наем продолжал быть исключением. Облик экономики страны по-прежнему определяло насилие в качестве главного стимула принуждения к труду. Однако по сравнению с прошлым оно модифицировалось. Для работы на стройках, военных объектах, железных дорогах и т. д. по заявкам военкоматов и комсомола проводились мобилизации рабочих. Их положение отличалось от положения заключенных. У них был восьмичасовой рабочий день, они жили на зарплату и могли иметь семью, но по договоренности не могли в течение ряда лет покинуть место, где им приходилось трудиться.

Таким образом, в качестве *ведущей формы принуждения* непосредственное насилие над производителем сменилось его более мягкой формой: прикреплением к месту работы. На первых порах эта смена ведущих форм сопровождалась забастовками, бунтами, столкновениями с властями. Но их виновниками были не рабочие, а возглавлявшие стройки и военные объекты охранные кадры ликвидированных лагерей, которые, привыкнув к безнаказанности, по-прежнему продолжали измываться и обворовывать тех, кто находился под их началом.

[26] Верт Н. Государство против своего народа. Насилие, репрессии и террор в Советском Союзе.//Куртуа С., Верт Н., Панке Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж. Черная коммунизма книга... С. 249; см. также Иванов Ю. М. В сталинском "раю". М., 2005. С. 114.

Присылавшихся по разнарядкам рабочих селили в рваных палатках, не спасавших от дождя и стужи. В палатках не было столов, стульев, тумбочек для личных вещей. Постельное белье в течение длительного времени не менялось. Даже тухлой воды не хватало для питья, не говоря уже об умывании. Палатки не освещались. Рабочих кормили протухшим мясом (иногда с червями) и испорченными продуктами.

В течение многих дней они были загружены по 2-3 часа, получая мизерную зарплату, на которую невозможно было прожить. Затем начинались лихорадочные авралы со сверхурочными, сопровождавшимися высоким травматизмом. В предоставлении отпусков и наложении дисциплинарных наказаний царил произвол, позволявший делать крупные вычеты из заработков. Выплата зарплаты постоянно задерживалась, рабочих немилосердно обсчитывали.[27]

Унаследованные от лагерей невыносимые условия жизни и труда порождали стихийные волнения, перераставшие в столкновения с властями, милицией и т. д. Для их подавления нередко использовались вооруженные бронетехникой войска. О повсеместности подобных волнений свидетельствуют данные МВД и прокуратуры (94 случая за 1953-1960 гг.), ставшие известными высшему руководству страны. Но еще больше, по-видимому, было забастовок и бунтов, не получивших широкую огласку, которые улаживались местными властями без использования войск. Как бы то ни было, руководители строек и военных объектов в столкновениях с рабочими постепенно приучились к новым отношениям. Наиболее одиозные причины бедствий в ходе волнений и бунтов устранялись. В связи с этим последние постепенно стали сходить на нет.

Чтобы отвлечь массы от их собственных бед, продолжала разыгрываться еврейская карта. Антисемитская кампания без широковещательной огласки сталинских времен продолжалась под постоянные причитания Хрущева относительно плохих и хороших евреев. Широко известна его тирада в связи с вопросом Абрамовича, указавшего на бедственное положение евреев в СССР. “Мы свергли царя, а вы испугались Абрамовича, – демагогически заявил он. То, что вы называете еврейской проблемой в Советском Союзе – это искусственно создаваемая разного рода Абрамовичами проблема. Это вовсе не проблема. Это нечто подобное мухе на рогу вола... Вот вы говорите о т. н. еврейском вопросе. Здесь нужен, прежде всего,

[27] См. Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999.

классовый подход. Вам подбрасывают этот еврейский вопрос, чтобы навязать вам дискуссию, поймать вас на удочку реакционных сил”.[28]

В действительности еврейский вопрос “подбрасывал” сам Хрущев. С его одобрения на местах без огласки проводились еврейские погромы, создавались препятствия при приеме евреев на работу, ограничивался доступ в высшие учебные заведения и т. д. Неслучайно, в Советском Союзе с благословения коммунистов еврейские погромы продолжались в течение более длительного времени, чем в какой-либо другой стране Европы.

По имеющимся у нас, возможно, неполным сведениям, последний еврейский погром на территории СССР проводился в 1967 г. русскими, украинскими и молдавскими студентами, избивавшими евреев на улицах Тирасполя (Молдавская ССР).[29] Не исключено, что подобные антисемитские акции особенно поощрялись в связи с вводом войск в Чехословакию, вызвавшим массовое возмущение советского населения. Его масштабы, связанные с публичными выступлениями протеста в Союзе и бегством на Запад солдат и офицеров оккупационных войск, до сих пор скрыты в анналах КГБ.

Пользуясь всеобъемлющей цензурой средств массовой информации, правительство Хрущева, как и при Сталине, имело возможность обязывать всех, что читать, какие песни петь, о чем говорить и зачем говорить. Но даже при таком размахе оболванивания порой возникали осечки, как, например, с фильмом “Броненосец Потемкин” С. М. Эйзенштейна, показавшим рабочим, как надо поступать в тех случаях, когда им систематически скармливают протухшее с червями мясо.

О том, что творилось в стране и за рубежом, населению ежедневно рассказывали одни и те же невероятные небылицы, правдивость которых они не могли проверить. Официальным критерием истины становились заявления Хрущева, объявлявшего несогласных с ним злонамеренными отступниками от идеалов социализма. В такой обстановке у рабочих до поры до времени не могли возникнуть сомнения в правдивости утверждений первого секретаря. Причиной своих бедствий они считали корысть, пренебрежение обязанностями своего начальства, которые можно устранить, если о них узнавали

[28] См. “Источник: Документы русской истории”. М., 1994. № 3. С. 96-97.

[29] По нашим сведениям, последний погром в Польше был в июле 1946 г. Тогда было убито 42 еврея, спасшихся от уничтожения гитлеровцами. Среди них были женщины и дети. Агмон П. Судьба евреев – бывших узников нацизма в послевоенный период.//Холокост... С.114.

вышестоящие должностные лица. Дореволюционные традиции "вот приедет барин, барин все рассудит" продолжали сохраняться.

Близкий к рабочим был подход и у той части интеллигенции, которая отвергала тоталитаризм существующего строя. Они также верили в непорочность коммунистического социализма, но предлагали более радикальное, чем рабочие, решение проблемы, сверяя непорочность с указаниями ленинских сочинений.

Застрельщиками этого течения была молодежь учебных заведений. В 1956 г. в МГУ возник "Союз патриотов России" под руководством Краснопевцева, в том же году – в Сибири студенческая группа "Свобода слова". В Ленинграде появилась группа социал-демократов, а в 1963 г. П. Г. Григоренко основал "Союз борьбы за возрождение ленинизма". Они наивно полагали, что коммунистический социализм можно совместить с существованием организаций, критикующих официальные установки, со свободным оспариванием высказываний первого секретаря КПСС и т. д. Подобные иллюзии составляли суть того самого движения, которое позднее получило название "поиска социализма с человеческим лицом". Раньше всего оно зародилось в Советском Союзе, где его участников в целях перевоспитания направляли в концентрационные лагеря.

Но эти репрессии не смогли уничтожить самого движения, порожденного обнародованием на XX съезде ограниченного перечня отвратительных преступлений сталинского периода. После ареста А. Синявского и Ю. Даниэля оно возродилось вновь на этот раз в форме движения правозащитников. Не отвергая законность советского режима, его участники требовали соблюдения буквы конституции с провозглашенными ею свободами слова, печати, собраний и т. д. и подписанных СССР в 1975 г. Хельсинских соглашений, предусматривавших уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религий и убеждений. Ответом хрущевских властей были еще более изощренные преследования. По данным КГБ, в 1961 г. в стране насчитывалось 1300 диссидентов, в 1962 г. – 2500, в 1964 – 4500, в 1965 г. (год падения Хрущева) – 1300.

С падением Хрущева его место занял Брежнев. Те самые секретари обкомов, на которые опирался Хрущев, скинули его с должности первого секретаря КПСС. Их недовольство вызвал закон 1957 г., объявивший о создании совнархозов. Численность партийных чиновников на селе выросла почти вдвое. Но теперь уже не выходцы из села формировали в городах аппарат обкомов и крайкомов, а городские слои. Задуманные в административном порядке решить продовольственную проблему, управления сельским хозяйством лишили руководителей областей и краев санаториев, баз отдыха,

охотничьих хозяйств и т. д., а главное возможности беззастенчиво изымать у деревни средства для удовлетворения собственных нужд и своих прихлебателей. О том, как это делалось, красноречиво свидетельствует, например, дело первого секретаря ЦК КП Узбекистана, кандидата в члены политбюро ЦК КПСС Ш. Р. Рашидова. При Брежневе препятствия для соответствовавшего чину беззастенчивого присвоения были устранены.

Другим следствие падения Хрущева был конец "оттепели" в СССР. Продолжавшиеся ожесточенные преследования правозащитников в Советском Союзе раньше, чем в остальных странах доказали, что социализм при коммунистах лишен "человеческого лица".

Вместе с тем не все от эпохи Хрущева было выброшено за борт. Именно в годы его власти были сформулированы идеологические основы советского социализма. Среди них ведущее место занимали декларации о том, что СССР вступил в «в период развернутого строительства коммунизма» при «возрастающей роли коммунистической партии, как руководящей и направляющей силы советского общества», а также заявление о перерождении «государства диктатуры пролетариата в общенародное государство». Эти вводные затем повторяли все многочисленные преемники Хрущева, что не исключало проклятий в его адрес как слева, так и справа. Левые подчеркивали ограниченность официального развенчивания сталинизма, правые – его чрезмерность.

Жестокие преследования слабых проблесков многоголосья мнений и свободы организации союзов, по сигналам ЦК сдабривались слухами о возможном воскрешении культа непогрешимости Сталина. Правозащитников теперь не только отправляли в лагеря. Лишая родины, их изгоняли из страны, сажали в психушки, которые, по утверждению Солженицына, были похуже крематориев, либо с клеймом тунеядцев высылали из городов в таежную глушь.

Тех же, кто, одаривая властей, фарцовал, создавал подпольные производства ширпотреба, раздавал и получал взятки т. д. по выборочным сигналам сверху судили с широкой оглаской. В таких случаях их приговаривали к расстрелам и длительным срокам заключения. Среди них преобладали еврейские фамилии, создавая преднамеренно общественный фон для проведения антисемитской политики в стране.

Преследования евреев под лозунгами борьбы с коварными еврейскими сионистами, отстаивающими "империалистические цели" Израиля и США, были поставлены во главу угла и международной политики: СССР был единственной страной, осудившей похищение

моссадом организатора гитлеровского холокоста Эйхмана, проживавшего в Аргентине под вымышленной фамилией.

Борьба с мифическими еврейскими врагами не только тормозила освобождение народов СССР от беспросветного диктата Москвы, но и подрывала благоприятное для России отношение к ней русскоязычного населения, проживавшего за границей. "Мой приятель в кибуце, немецкий еврей, говорил мне, – пишет Р. Гуль о годах холодной войны, – "Скажи, пожалуйста, почему это так: когда евреи говорят о Германии, то никакого восторга нет. Когда евреи говорят о Франции – то же нет. Но только стоит нашим евреям заговорить о России и о русской литературе, они приходят всегда в какой-то невероятнейший восторг".[30]

Сегодняшний антисемитизм в России не имеет ничего общего с антисемитизмом эпохи самодержавия. Он выпестован КПСС. Ныне продолжателями ее антисемитских традиций являются коммунисты и их детище – РНЕ (Русское национальное единство) с атрибутикой, полностью заимствованной у гитлеровцев. Фашистская свастика военного лихолетья, вновь появилась на улицах наших городов вместе с кровавыми "подвигами" ее носителей (осквернение синагог, избиения и убийства евреев, африканцев и других не арийцев), позорящих страну, понесшую наибольшие жертвы в борьбе с нацизмом.

Борьба с антисемитизмом – неотделимая составная часть последовательного развенчивания культа Сталина начавшегося после XX съезда. Одним из главных препятствий на этом пути была жесткая цензура всех средств массовой информации, позволявшая КПСС опутывать население СССР беспардонной ложью о его прошлом, настоящим и будущем. Начало сокрушительного разрушения ее рогаток положил замечательный русский поэт Владимир Высоцкий.

В магнитофонных записях его песни о подвиге советского народа во второй мировой войне, о жизни и бедах всех его слоев лились от края и до края не только на просторах нашей необъятной родины, но и в странах, оккупированных Советской Армией, чему способствовало принудительное изучение русского языка. Немалую долю своего творчества он посвятил едкому высмеиванию насаждавшегося коммунистами антисемитизма. Не случайно, его песни стали позднее органической частью идеологии демократического движения, которое в нашей стране возглавил Ельцин.

Владимир Высоцкий до сих пор остается любимым народным поэтом. Его самоотверженные поиски жизненной правды, помимо терзаний, порожденных преодолению цензурных препон, были к тому же омрачены личной трагедией. Отец Высоцкого информировал КГБ,

[30] Гуль Р. Я унес Россию. Т. III. С. 285.

чем занимался поэт. Подобные доклады в КГБ о своем сыне возможны была только в коммунистической России, где доносительство еще с ленинских времен было возведено в ранг высшей добродетели.[31]

Чем дальше отдалялось время изгнания гитлеровцев с оккупированных советскими войсками территорий, тем большую головную боль причиняли КПСС происходившие здесь события, обусловленные неистребимостью демократических традиций и несоизмеримо высокими по сравнению с СССР доходами населения. Попытки КПСС установить по советскому образцу коммунистическое единомыслие и понизить жизненный уровень масс порождали в Восточной Европе всеобщие протесты, которые, становились примером для многострадального российского народа.

В частности, в 80-х гг., вновь поднялась стачечная волна вслед за ее спадом после новочеркасских событий 1963 г. Забастовки прошли в Тольятти, Ярославле, Муроме и других городах, но они были территориально разрозненными и не связанными друг с другом. Характерная для стран Восточной Европы степень одновременного возмущения масс в масштабе всей страны в России была достигнута лишь в дни ликвидации путча в августе 1991 г.

В оккупированной советскими войсками Восточной Европе первые массовые забастовки и демонстрации прошли в Чехословакии в 1948 г., когда Сталин посчитал, что население здесь живет в неподобающем ему довольстве. Организатором подавления этих выступлений был президент К. Готвальд, который еще в декабре 1929 г. заявил в парламенте в ответ "на обвинения в том, что КПЧ действует по указке Москвы": "Мы – партия чехословацкого пролетариата и верховная наша революционная штаб- квартира действительно находится в Москве. А знаете, зачем мы ездим в Москву? Поучиться у русских большевиков, как получше свернуть вам шею. Надеюсь, вам известно, что русские большевики – большие мастера в этой области".[32]

[31] "Ленин когда-то учил, – писал его соратник Г. С. Гусев, настоящая фамилия Драбкин Яков Давидович, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, т. е. смотреть и доносить. Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доносительства, а от недоносительства... Можно быть прекрасными друзьями, но раз мы начали расходиться в политике, мы вынуждены не только рвать нашу дружбу, но идти дальше – идти на доносительство". Яковлев А. Н. Вступление// Куртуа С., Верт Н., Панне Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж., Черная коммунизма книга... С. 30.

[32] Бартошек К. Центральная и Юго-Восточная Европа. "Импортный контроль"//Куртуа С., Верт Н., Панне Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж., Черная коммунизма книга... С. 377.

Придя к власти на штыках Москвы, К. Готвальд показал, как надо "свертывать шею своему народу". В течение нескольких месяцев после победного для коммунистов февраля 1948 г. в пятнадцати чешских и моравских городах и трех городах Словакии прошли забастовки и демонстрации против снижения уровня жизни. В последние месяцы 1951 г. они повторились вновь: во всех промышленных районах прокатилась волна стачек, заводских собраний протеста и демонстраций (только на улицы Брно вышли от 10 до 30 тыс. человек). В июне 1953 г. в знак протеста против денежной реформы, снижавшей жизненный уровень всех, вновь прекратилась работа на десятках крупнейших промышленных предприятиях. В городе Пльзене манифестации переросли в уличные бои. "472 забастовщика и демонстранта были арестованы. Руководство КПЧ незамедлительно потребовало предоставить списки участников протеста с целью "изолировать их и поместить в трудовые лагеря". Объявившая себя партией революционного пролетариата КПЧ первой показала пример, как надо в странах народной демократии расправляться с революционными выступлениями: половину всех арестованных органами государственной безопасности в 1951-1952 гг. составили рабочие, на втором месте – конторские служащие, за ними шли крестьяне.[33]

В ответ на требования КПСС повсюду снижать заработную плату география всеобщего протеста в странах Восточной Европы в 1953 г. расширилась. 16 июня бастовавшие рабочие Берлина вышли на демонстрацию. Для подавления их выступления впервые были использованы советские войска. В итоге 16 демонстрантов были убиты, сотни ранены. 12 тыс. чел. – приговорены к различным срокам тюремного заключения.

В июне 1956 г. эстафету подхватила Польша, где забастовали рабочие, обслуживавшие железные дороги. Население приветствовало их одобрительными криками "хлеб и свобода". При подавлении забастовки были убиты десяток человек. Чтобы весь мир узнал об этом злодеянии перед заводом "Фиат" демонстранты развернули залитый кровью польский флаг. Более того, Варшавский городской комитет компартии распорядился раздать оружие рабочим столицы. Они были готовы оказать сопротивление советским войскам, если бы те вступили в город.[34]

В ноябре 1956 г. произошли известные события в Венгрии. К этому времени на предприятиях венгерской столицы рабочие избрали советы, требовавшие убрать советские войска с территории Венгрии,

[33] Там же. С. 388-389.
[34] Геллер М., Некрич А. Утопия у власти... С. 615.

ликвидировать систему поставок сельхозпродуктов по немыслимо низким ценам, сформировать правительство с участием социал-демократов. В ответ на это советские войска путем обмана вошли в столицу, где в течение трех дней население вело бои с вооруженными до зубов оккупантами. В провинции сопротивление продолжалось две недели.

Власть венгерской компартии во главе с Ракоши с самого начала держалась на жесточайшем терроре, опиравшимся на оккупационные войска. Только с 1950 г. по 1953 г. здесь побывало в тюрьмах 387 тыс. чел., или, иначе говоря, свыше 5% населения.[35] Подавляя восстание, Андропов восстановил ее неограниченную власть ценой расстрела 3-х тыс. чел. и ареста 25 тыс. чел., приговоренных к различным срокам заключения. Многие тысячи венгров бежали за границу.

В августе 1967 г. войсками стран Варшавского договора была задушена "нежная революция" в Чехословакии, окончательно разрушив тем самым последние иллюзии того, что коммунистические режимы могут ужиться со свободой слова, стачек и демонстраций. Это же в очередной раз доказала забастовка в Гданьске (Польша), где в декабре 1970 г. бастовали рабочие балтийских портов против повышения цен на продукты первой необходимости. Забастовка была беспощадно подавлена. Сотни демонстрантов были убиты или ранены.

Несмотря на жесточайший коммунистический террор, Восточная Европа буквально бурлила от гнева на советских оккупантов. "Согласно данным подпольных источников только в Польше с конца 1981 г. до конца 1987 г. появилось 1500 подпольных газет и журналов и около 2400 книг и брошюр. На их основе здесь возникло большое число конспиративных политических группировок, начиная от левых социал-демократических, до более консервативных – католических и даже правых ультрапатриотических".[36]

Оккупированная советскими войсками Восточная Европа напоминала раскаленный котел, требовавший постоянного выпуска пара негодования масс, перед глазами которых стоял облик процветающей "капиталистической" Европы. Особенно это процветание искушало население ГДР, стремившееся переселиться на Запад, в связи с чем 13 августа 1961 г. была воздвигнута знаменитая Берлинская стена.

Пользовавшиеся успехом в СССР методы коммунистического переключения гнева масс на мнимых внутренних врагов в странах

[35] Бжезинский З. Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. New York, 1989. С. 109.
[36] Там же. С. 118.

Восточной Европы не срабатывали. Антисемитизм давал эффект преимущественно при разборках (по указаниям Москвы) внутри партийно-государственного аппарата, из которого изгонялись еврейские коммунисты, признававшиеся под пытками в шпионаже в пользу Израиля и США. Что же касается самого населения, то здесь антисемитизм, как правило, не мог дать нужного коммунистам эффекта, поскольку преследования евреев ассоциировались с ненавистным расовым гнетом нацистов, давно покинувших в страхе наказания места своих злодеяний.

В тех же случаях, когда к спровоцированным коммунистами антисемитским гонениям подключались низы (Румыния, Польша), евреи переселялись (но не в ГДР)[37] на территорию бывших фашистских государств Австрии, Италии и Западной Германии, где любые преследования евреев на расовой почве приравнивались к тягчайшим уголовным преступлениям. Для многих из них переселение сюда было лишь промежуточным этапом на пути в Израиль.[38]

Что касается попыток насильственного изъятия у состоятельных крестьян "продовольственных излишков" с превращением их в пугала врагов народа, то, в отличие от СССР на этапе "великого перелома", этих крестьян поддерживало все население деревни и города, помогая им прятать имущество и скот, как это было, например, в Польше.

Пусть читателя не удивляет, что сведения об антисоветских выступлениях в странах Восточной Европы, мы черпаем из зарубежных исследований. В отечественной литературе, насколько нам известно, специальных монографий по этому вопросу нет. Статьи же в журналах и сборниках зачастую написаны так, чтобы обелить сталинский режим и его коммунистических преемников. В этом отношении весьма типична

[37] В то время как в Западной Европе и, прежде всего, в Австрии, Италии и Западной Германии тщательно собирались документы для предъявления обвинений лицам, участвовавшим в уничтожении евреев, в Восточной Германии по сигналу из Москвы поступило распоряжение закрыть все дела, связанные с этими злодеяниями. "Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками... С. XVIII.

[38] Джек Пэт, секретарь Еврейского рабочего комитета в конце 40-х гг. опубликовал в "Jewish Daily Forward" серию статей о судьбе польских евреев, бежавших в СССР. По его данным, 400 тыс. из них были помещены в концлагеря и трудовые колонии. К концу войны 150 тыс. из них решились снова принять польское гражданство, чтобы бежать из СССР. Верт Н. Государство против своего народа. Насилие, репрессии и террор в Советском Союзе//Куртуа С., Верт Н., Панке Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж. Черная коммунизма книга., с. 303. Погромы в Польше вынуждали их переселяться в Израиль. О том, какие мытарства приходилось преодолевать на пути в Израиль, свидетельствует замечательный роман Юриса Л. Исход. М., 2003.

статья руководителя Центра военной истории Института российской истории РАН Куманева Г. А., который пишет: "Сталин видел решение задачи превращения СССР в великую державу не только в сохранении за собой приобретенных в 1939-1940 гг. территорий, но и создания за собой пояса безопасности (речь шла о германской угрозе) по периметру его европейских границ из дружественных государств – надежных партнеров, находящихся под влиянием, а еще лучше – контролем Москвы".[39] И это называется новым подходом? Так писали у нас ровно 60 лет назад с расчетом в будущем развязать новую мировую войну.

В отличие от Куманева Г. А., мы старались показать, что проводившаяся Москвой политика была попыткой расширения западных границ Советского Союза. В связи с этим принимались меры по проведению насильственной коллективизации и форсированию индустриализации с тем, чтобы в перспективе восточноевропейские страны превратились в составную часть СССР.

Как писал в свое время американец Дж. Кенан о Советском Союзе, "никакая правящая группа не может править своим народом, только обращаясь с ним как с преступниками. Отсюда возникает тенденция оправдать политику угнетения внутри страны ссылками на опасности, грозящие ей со стороны порочного внешнего мира. При таких условиях мир должен изображаться как в высшей мере порочный – вплоть до карикатурных пределов. Менее сильные средства здесь не помогут".[40]

Действительно весь мир за пределами СССР и его союзников во всех средствах массовой информации изображался в виде кладезя бесчисленных пороков. Если в индустриальной Европе при неизменности границ дело ограничивалось противостоянием НАТО и стран Варшавского договора, обменивавшимися проклятиями и угрозами вплоть до применения атомных бомб, то на аграрном Востоке с его огромной массой деклассированных крестьян экспансионистская политика СССР сопровождалась появлением просоветских режимов, для упрочнения власти которых требовалось оружие с обслуживающим советским персоналом, начиная от "добровольцев" и кончая "ограниченными контингентами войск". В послевоенный период начало этой политики положила передача оружия китайским коммунистам, способствовавшая в1949 г. приходу их к власти на территории всего континентального Китая. После этого не прошло и года, как по настоянию Москвы Северная Корея напала на Южную, тщетно пытаясь распространить свою власть на весь Корейский полуостров.

[39] Куманев Г. А. Вклад советской военной экономики в победу//Россия в XX в. Война 1941-1945 годов. Современные подходы... С. 96.

[40] Цит по: Гуль Р. Я унес Россию. Т III... С. 274.

На Западном краю Восточного мира Советский Союз еще во второй половине 40-х гг. добивался перехода Ливии под свою опеку, чтобы иметь военную базу в Средиземном море, но страна была передана под опеку ООН. В 1956 г. при поддержке СССР добровольцами и оружием Египет напал на Израиль, чтобы уничтожить еврейское государство. В 1958 г. на Ближнем Востоке разразился новый кризис, затронувший Ливан, Сирию и Иорданию. Советский Союз использовал его для укрепления своего военного присутствия в Сирии и Ираке. В 1962 г. Советский Союз поддержал революцию в Йемене. В 1966 г. началось вторжение советских войск на территорию Афганистана, где впервые на Востоке в борьбе за национальную независимость против советских войск поднялось вооруженное население, отбив навсегда охоту посылать войска своим восточным сателлитам.

Как и взрывы национального возмущения присутствием советских войск в странах Восточной Европы, так и события в Афганистане отражали общий кризис экспансионистской политики КПСС. Он был лишь одним из важных, но не единственным проявлением неотвратимо нараставших противоречий СССР.

Как известно, основу основ советской экономики составляли внерыночные изъятия городом продовольствия у колхозной деревни, обеспечивавшие чрезвычайно низкие расходы на содержание трудившихся вне ее работников. Подобные отношения города с деревней были возможны, пока численность городского населения была незначительна. Последовавшая форсированная индустриализация на базе массового вовлечения крестьян в промышленное производство и их целенаправленного истребления в лагерях и спецпоселениях в конце концов привела к тому, что доля сельского населения резко сократилась, и оно уже не могло в условиях отсталых методов хозяйствования (средняя урожайность зерновых в РСФСР в 1976-1985 гг. равнялась примерно 13 ц с га.[41]) снабжать города дешевым хлебом.

Если раньше деревня дотировала город, то теперь городу приходилось за счет бюджета дотировать ее, чтобы иметь возможность по-прежнему продавать населению хлеб по чрезвычайно низким ценам. В частности, затраты на освоение целинных земель Казахстана, мелиорацию районов промышленного Севера были огромны, эффект же – незначительный либо давал нулевой результат. "Необеспеченный производственной, да и социальной структурой марш-бросок на целинные земли, – пишет Л. Н. Денисова, – отвлек в те годы значительные ресурсы от укрепления зернового и в целом сельского

[41] Российский статистический ежегодник. М., 1994. С. 354.

хозяйства в других районах страны, в том числе Нечерноземной полосы РСФСР, и привел к росту общих потерь урожая зерновых до 25-30 и более млн. т.".[42] Этих потерь могло и не быть, если бы отношения деревни с городом строились бы на стоимостных отношениях. Целина как и другие меры хрущевского и постхрущевского периода лишь продлевали мучительную агонию унаследованных от сталинских времен безрыночных отношений деревня-город.

Указанные же Л. Н. Денисовой потери восполнялись за счет возраставшего импорта зерна из США, без которого существование советской милитаризованной экономики было бы невозможно. В 1960 г. он составил 200 тыс. метрических тонн пшеницы, в 1972 г. – 18 млн. т., в 1979 г. – 25 млн. т., в 1982 г. – 35 млн. тонн. Тонна зерна, закупленного в США, обходилась нашим властям вдвое дешевле произведенного в СССР.[43]

Первоначально ведущим источником финансирования импорта зерна было золото. Однако стоило в 1963 г. закупить всего 9,4 млн. т. (около 10% валового урожая) как пришлось потратить 372,2 т. золота – почти треть золотого запаса страны.[44] Поэтому весьма быстро золото заменила нефть. Именно коммунисты, а отнюдь не демократы посадили страну на нефтяную иглу. Спасая свою власть, они превратили Советский Союз в сырьевой придаток стран с рыночной экономикой. "Экономическая расточительность и сопутствующая ей промышленная и технологическая отсталость, – пишет З. Бжезинский, – неблагоприятно сказались на способности СССР участвовать в международной торговле. Советский Союз все больше становился экспортером преимущественно сырья и минералов, подобно большинству стран "третьего мира" и был не в силах конкурировать с ведущими мировыми экспортерами промышленных товаров... СССР в 1985 г. по экспорту промышленных товаров перешел с 11 – го места, которое занимал в 1973 г., на 15-е. За эти годы его обогнали Тайвань, Южная Корея, Гонконг и Швейцария".[45] Экспорт нефти и минералов позволял закупать зерно, удерживая советскую милитаризованную экономику на плаву.

Затраты последней росли в первую очередь за счет удорожания производства при добыче полезных ископаемых, сооружении дорог,

[42] Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960-1980-е годы. М., 1996. С. 18.

[43] Геллер М., Некрич А. Утопия у власти... С. 719.

[4444] Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство//Труды Института российской истории РАН. 1997-1998 гг. Выпуск 2. М., 2000. С. 403.

[45] Бжезинский З. Большой провал.... С. 44.

работе на военных объектах. Дело в том, что содержание административно прикрепленного к месту работы производителя, получавшего заработную плату и имевшего ограниченный рабочий день, обходилось дороже содержания заключенного в лагерях. Его рацион не ограничивался только хлебом и приготовленной бог знает из чего жидкой баландой. Рабочие требовали свободной продажи им рыбы, мяса, масла и т. п., которые при Сталине отсутствовали в их питании.

В этой связи поражает цинизм Горбачева. Во время сентябрьской поездки 1988 г. по Сибири "Горбачев услышал множество (как никогда раньше) жалоб на тяжелое продовольственное положение. Генеральному секретарю жаловались: нет колбасы, нет молока, нет сахара... Он отвечал, что причины, нехватки продовольствия в том, что советский народ ест слишком много. И приводил цифры роста потребления мяса, молока, рыбы и т. п. на душу населения. "Для полноты картины скажу, – добавил генеральный секретарь, что потребление яиц в 1965 г. составляло 124 штуки на чел., в прошлом году – 272 штуки" (Правда 18. 09. 1988)".[46] Если вычесть младенцев и значительную часть стариков, то окажется, что каждый взрослый в нашей стране съедал в то время по яйцу в день! Цифра воистину фантастическая.

На самом деле даже по расчетам швейцарского института, пользовавшегося официальными данными советского правительства, "покупная способность интеллигенции по сравнению с 1913 г. – это 32% от 100% покупной стоимости способности в 1913 году; покупная способность крестьян – 49%, покупная способность рабочих – 72%".[47] В действительности же эти официальные цифры при всей своей неприглядности завышали покупательную способность всех слоев населения, скрывая изобилие потребления коммунистического партгосаппарата.

Централизованное выделение фондов продовольственных товаров гарантировало изобильный стол "слугам народа". Рядовым же рабочим и служащим доставались лишь жалкие крохи. В Москве на предприятиях по жребию разыгрывались жалкие продовольственные заказы. Их сменили визитные карточки москвича, по которым товары

[46] Цит по: Геллер М. Российские заметки 1980-1990. М., 2001. С. 686. Подобные высказывания отнюдь не были "человеческим лицом" социализма, а лишь его коммунистическими гримасами. Единственно, что сделал Горбачев для дальнейшего прогресса, были гласность и разрушение Берлинской стены.

[47] О положении и процессах в стране. К шестидесятилетию советского режима. Доклад, прочитанный Е. Р. Романовым на Посевской конференции во Франкфурте – на – Майне 8 октября 1977 г.// Романов Е. В борьбе за Россию. М., 1999. С. 123.

продавались в ограниченном количестве в одни руки. В конце концов, дело закончилось тем, что колбаса, мясо, масло в течение большей части дня совершенно исчезали с полок магазинов, где покупателей встречали нагло улыбавшиеся от безделья продавцы.

На периферии в это время вновь возродилась карточная система с дикими очередями, сопровождавшими их отоваривание. "Сорок лет спустя после второй мировой войны, – писал З. Бжезинский, – советское правительство все еще распределяет мясо по карточкам, а недавно ввело карточки и на сахар. Как сообщала советская газета "Неделя" от 27 июня 1988 г., для жителей Свердловска и Свердловской области выпущены "бледно-желтые талончики продовольственных карточек. В каждом подъезде есть уполномоченный, который их раздает. 800 гр. вареной колбасы ежемесячно... 400 гр. сливочного масла. И 2 кг. мяса в год – к майским и октябрьским праздникам. По воскресеньям исчезают даже лапша и крупа: скупают деревенские".[48]

Одновременно с дефицитом продовольственных товаров рос дефицит промтоваров и услуг, обретая качественно новые черты: спрос на скудный ширпотреб, долголетие потребления которого обеспечивалось изготовлением товаров, из отходов, предназначенных для военных нужд, сменился в городах и поселках спросом на проникавшие из-за границы модные иностранные товары, рассчитанные на быструю смену потребительских предпочтений. Появлению этого спроса способствовал демонстрационный эффект быта директората и примыкавших к нему слоев, привозивших из-за границы вожделенные вещи, либо получавших их в закрытых распределителях.

Еще больше способствовали этому кино и телевидение, демонстрировавшие изобилие советской жизни в условиях объявленного перехода к коммунизму. Причем советскому "изобилию" постоянно приходилось конкурировать с рядовым изобилием "загнивавшего" Запада, который показывался в фильмах, импортированных из-за рубежа. На наших экранах советские герои неизменно проживали в отдельных квартирах, были безупречно по последней моде одеты, их стол ломился от яств, и они не знали счет деньгам, кроме случаев, когда их забывали дома.

Под влиянием таких картин дефицит модных промтоваров и услуг все более выходил за рамки контролируемого компартией государственного производства. Отчасти он восполнялся за счет импорта и подделок под него, производившихся в подпольных мастерских под прикрытием коррумпированных властей.

[48] Там же. С. 222.

До тех пор, пока рабочие не знали ничего, кроме "длинных как сроки" бараков, они мирились со своим неприглядным существованием. Когда же с экранов кино и телевидения их убедили том, в каком достатке должны жить советские люди "в условиях перехода к коммунизму", их собственная нищенская жизнь стала невыносимой. На этой почве идеи протеста по нарастающей постепенно овладевали массами, все более превращаясь в грозную материальную силу.

Чтобы сбить накал возмущения, политбюро и ЦК принимали отчаянные меры, начиная от безумной попытки Андропова административно регулировать все и вся, и кончая, знакомыми по сегодняшнему дню идеологическими измышлениями коммунистов. Средства массовой информации пестрели увещеваниями о вредном влиянии якобы чуждой духу русского народа западной культуры, призывали к патриотизму и защите национальной самобытности, в связи с чем много говорилось и писалось о грязных стилягах, не признававших норм одежды и поведения, предписанных одетыми в модную униформу властями.

На фоне этих заклинаний о национальной самобытности, патриотизме и т. п. антисемитская пропаганда получила дополнительный импульс. Антисемитизм в эпоху "перестройки", – пишет М. Геллер, – не только достиг интенсивности, неизвестной ранее в Советском Союзе. Он приобрел новое качество – стал массовым официально. До "гласности" антисемитизм жил как бы на двух уровнях: на бытовом и "академическом". Евреи испытывали различного рода неприятности в квартире, на улице, на работе; выходили многотысячными тиражами "научные труды", курируемые специальными институтами Академии Наук, занимавшимися организацией "борьбы с сионизмом". После 1985 г. эти два потока объединились; появились неформальные объединения "Память". Несколько журналов ("Наш современник", "Молодая гвардия" и др.) превратили борьбу с евреями в ось своей публицистики. Организуются массовые митинги, на которых разоблачается прямая и оккультная деятельность евреев... Идеологи антисемитизма выступают по телевидению. Евреи изображаются как сила Зла, всегда, испокон веков, вредившая русскому народу".[49]

Все имеет свои закономерности. В годы перестройки антисемитизм наконец-то получил официально признанную гласность вместе с официальным признанием его главного рупора – пресловутой "Памяти", предшественницей РНЕ. Однако антисемитские митинги и соответствующие выступления средств информации уже были не в

[49] Геллер М. Седьмой секретарь. Блеск и нищета Михаила Горбачева. С. 367.

состоянии собирать подлинно массовую аудиторию кроме коммунистов и комсомольцев с их вечно "беспокойными сердцами". В обстановке рождавшегося демократического движения широкие массы интересовали не проблемы всемирного еврейского зла, а кто окажется в выборных организациях, чтобы отстаивать их требования улучшения условий труда и быта, включавшего выход из потребительского тупика.

Национальным гонениям, разумеется, подвергались не одни только евреи. Они лишь находились на низшей ступени завещанной Сталиным национальной градации, в которой первое место отводилось русским. Достаточно вспомнить в этой связи судьбу советских немцев, которым было отказано в возвращении конфискованной при депортации собственности и права возврата в места своего прежнего проживания. В таком же положении оказались репрессированные крымские татары, чеченцы, калмыки и т. д.

Особое место в этой политике занимал геноцид народов Прибалтики, откуда постоянно выселялись коренные жители, замещавшиеся поощряемым коммунистами притоком "русскоязычного" населения, охотно оседавшего здесь из-за более высокого, чем на большинстве территорий СССР, уровня жизни. К 1989 г. доля латышей сократилась до 52%, эстонцев – до 61,5%. В меньшей мере эти несчастья коснулись Литвы, где почти две трети населения проживали в сельской местности, тогда как пришлые русскоязычные селились в городах.

В итоге коренное население Прибалтики с его замечательной древней культурой оказалось на положении второсортных граждан, лишенных в государственных организациях возможности общаться на родном языке. Его по-черносотенски теснил русский язык, давая пришлому населению преимущества при приеме на работу и в учебные заведения, продвижении по службе и т. д. Исключения делались только для тех коренных жителей, которые могли свободно говорить на русском языке.

Что касается Западной Украины, то партийно-государственный аппарат формировался здесь в первую очередь за счет выходцев из Восточной Украины, осуществлявших русификацию ненавидевшего их местного населения, тогда как голодавшая молодежь бежала с Востока на Запад, вливаясь в ряды бендеровцев сражавшихся за независимость Украины.

За годы холодной войны гигантски разросшийся военно-промышленный комплекс превратился в непосильное бремя. С 1970 по 1985 г. резко сократился рост как совокупных вложений в основной капитал, так и чистых капиталовложений. В середине 1980-х гг. на долю пищевой и легкой промышленности приходилось лишь 21,5%

индустриально добавленной стоимости, что было немного меньше показателя 1980 г.[50]

Возможности внедрения наукоемких технологий в оборонную сферу из-за сокращения роста капиталовложений, как и сегодня в КНДР, оказались исчерпанными. Развиваться вширь по этой причине военный сектор не мог. По этой же причине он не мог развиваться и вглубь. Началось прогрессирующее отставание качества его продукции от качества военной продукции противоборствовавших с ним держав. "*Промышленность,* – пишет Е. Романов, – большая часть наших предприятий (свыше 50%) – устаревшее оборудование; мы должны закупать за границей высококачественную сталь, так как не можем производить сами; мы отстаем в важнейших отраслях промышленности, например, химия, электроника (по числу ЭВМ мы занимаем 17 место в мире); мы вынуждены закупать современную технологию на Западе".[51] При сокращавшихся, добавим мы, возможностях делать такие закупки.

К этому времени, в индустриальных странах основным производителем и потребителем наукоемких технологий стали не военные, а гражданские отрасли. В этом отношении особенно показательна Япония, где до половины объема промышленного производства составляло производство изделий электроники, обеспечивая самые высокие в мире качество техники и производительности труда. В свою очередь информационные технологии гражданских отраслей (разумеется, в модифицированном виде) здесь с успехом применялись и применяются до сих пор, как в целях освоения космоса, так и в решении оборонных задач.

На фоне этих изменений отставание СССР от индустриальных стран с рыночной экономикой в послевоенный период возрастало из года в год, перерастая в необратимый кризис, сопровождавшийся понижением и без того низкого уровня жизни трудящихся. По заявлению Горбачева 17 февраля 1988 г., за исключением продаж водки (в 1984 г. на алкогольную продукцию приходилось 16% розничного товарооборота – Ю. И.) и роста цен на нефть, советская экономика в течение 20-ти лет топталась на месте.[52] Единственным выходом из кризиса было свертывание военного производства в пользу гражданских отраслей, что в свою очередь требовало ликвидации системы централизованного распределения потребительных стоимостей и замены его рыночными методами регулирования экономики.

[50] A Study of Soviet Economy. Paris, 1991. P. 12, 15.

[51] Романов Е. О положении и процессах в стране... С. 121.

[52] Roberts P., La Follette K. Meltdown inside the Soviet Economy. Washigton, 1990. P. 1.

Первые признаки этого кризиса четко обозначились еще в 50-х гг., когда стало ясно, что посредством централизованного планирования уже не возможно распределить все потребительные стоимости. Пока число индустриальных предприятий было невелико, система централизованного планирования и распределения продукции "единой фабрики" могла функционировать без перебоев. Однако возможности такого распределения все более сокращались из-за возраставшего количества показателей, которыми ей приходилось оперировать. В 1937 г. фондировалось около 250 видов продукции с бесчисленными детальными предписаниями в каждом *индивидуальном* случае способов и норм ее использования, а также кому и в каком количестве отгружать произведенное. По мере же постоянного форсирования военного производства количество видов продукции, как и количество связей, обусловленных ее централизованным распределением, возрастало стремительными темпами. В 1940 г. фондировалось уже 450 видов.[53] В начале 50-х гг. этот показатель составил 10 тыс.[54]

К этому времени Госплан СССР уже не мог централизованно оперировать ставшими неисчислимыми для него показателями. В итоге в первой половине 50-х гг. в его ведении осталось менее 2-х тыс. наименований фондируемой продукции, а остальные были переданы в ведение республиканских госпланов. Тем самым были заложены экономические основы развала *союзной* "единой фабрики", а вместе с ней и самого СССР.

Наряду с *союзной* "единой фабрикой", стали расти *республиканские,* интересы которых все более приходили в противоречия с общесоюзными. Республиканские "единые фабрики" ведали в основном производством потребительских товаров и услуг, союзная – производством вооружений в рамках центральных министерств.

Их сосуществование в пределах союзного государства было возможным, пока военное производство союзной "единой фабрики" определяло развитие экономики страны, а производство товаров личного потребления и услуг влачило жалкое существование. Зарплата в городах вместе с отчислениями на социальные нужды в это время составляла не более 20% ВВП (в развитых странах с рыночной экономикой этот показатель был близок к 60%). «Таким образом, 80% ВВП брало на себя государство (на нужды военно-промышленного комплекса, армии, КГБ, на поддержку "революционных" режимов, на

[53] Granick D. Management of the Industrial Firm in the USSR. A study in Soviet Economic Planning. N.Y., 1954. P. 135.

[54] Dobb M. Socialist Planning. Some Problems. L., 1970. P. 18.

разворовывание)».[55] Стоило только позднее устаревавшему военно-промышленному комплексу стать ненужным, а производству потребительских товаров приобрести первостепенное значение, как прежние милитаризованные устои союзного государства превратились для всех республик в непосильное бремя, приведя к распаду Советского Союза.

Кризис системы централизованного планирования и распределения потребительных стоимостей был настолько глубок, что появление республиканских "единых фабрик" в условиях жизни союзной – не решило ни одной из социально-экономических проблем центра и мест. В обстановке существования в начале 60-х гг. 42 тыс. промышленных предприятий, стоявших на самостоятельном балансе, и 19 тыс. строек производственного назначения «номенклатура *централизованно* (курсив мой Ю. И.) распределяемой продукции, – писал в 1965 г. О. Некрасов, – включает примерно 6,2 тыс. наименований предметов труда и около 11,8 тыс. орудий труда, машин, оборудования и приборов. В качестве самостоятельных позиций в номенклатуру централизованно распределяемой продукции включены оборудование, машины и приборы по типам, диаметрам, грузоподъемности, маркам, емкости, напряжению и другим техническим параметрам».[56] В годовых планах предприятиям устанавливались до 500 показателей, регламентировавших их хозяйственную деятельность.[57]

Проконтролировать выполнение такого множества показателей никакими административными мерами было уже невозможно. Централизованное планирование из основы тоталитарного порядка на деле превратилось в источник анархии, разрушавший этот порядок. Независимо от задач, поставленных министерствами, планы предприятий стали устанавливаться по пресловутой "отчетной базе", исходя от достигнутого уровня, который сами руководители всякими правдами и неправдами занижали, порождая тем самым хаос в снабжении и отгрузке готовой продукции. В связи с этим росла армия толкачей, представительские расходы которых намного превосходили жалкие директорские фонды.

Стремясь покончить с хозяйственным хаосом, директора требовали предоставить им право самим устанавливать прямые

[55] См: Белоцерковский В. Продолжение истории: синтез социализма и капитализма. М., 2002. С. 25.
[56] Некрасов О. Отраслевой принцип управления промышленностью и технический прогресс//Вопросы экономики, 1965. 5. С. 20.
[57] Там же. С. 3.

хозяйственные связи и решать собственные производственные проблемы, имея в своем распоряжении достаточно денежных средств. Тем самым впервые наметились, пока еще в неразвитом виде, противоречия руководителей предприятий с контролировавшими их деятельность управленческими структурами "единой фабрики". Выдвигавшиеся требования пока не отрицали существование последней и сводились лишь к тому, чтобы приспособить ее к сложившимся реалиям, обусловленным тем, что на вверенных им предприятиях главной проблемой стало не изготовление плановой продукции, а приобретение компонентов, необходимых для ее изготовления.

Именно эти настроения директората отражал проект реформ харьковского экономиста Е. Г. Либермана, опубликовавшего в "Правде" 9 сентября 1962 г. статью "План, прибыль, премия". Позднее статья была дополнена его же публикацией в "Правде" 20 октября 1964 г. под названием "Еще раз о плане, прибыли и премии". Этот разрыв в публикациях, с одной стороны, свидетельствовал о том сопротивлении, которое оказывал партийно-государственный аппарат предложенной им реформе, с другой, – о тех закулисных силах, поддерживавших директоров, интересы которых выражал автор. Среди поддержавших идеи Либермана были крупнейшие советские экономисты Л. В. Канторович, В. С. Немчинов, В. В. Новожилов.

Е. Г. Либерман предлагал свести централизованное руководство предприятиями лишь к объему продукции в номенклатуре и срокам ее поставок с тем, чтобы предприятия сами составляли свои собственные планы, включавшие показатели по производительности труда и численности работающих, заработной плате, себестоимости продукции, накоплениям, капиталовложениям и новой технике. Таким образом, бесчисленные натуральные показатели того, как и что делать, свелись бы к стоимостным отношениям, свойственным рынку.

Естественно, что при этом громоздкие централизованные планы в натуре превратились бы в стоимостные планы государственных заказов, тогда как само планирование, исходя из наличных заказов, стало бы уделом директоров, которые таким образом получили бы возможность самим разрабатывать необходимые для себя производственные показатели, находившиеся до этого в ведении центральных партийно-государственных структур. Фактически, рассматриваемая реформа предлагала симбиоз "единой фабрики" с финансовой самостоятельностью предприятий, в котором возглавлявшим их директорам принадлежала бы ведущая роль.

Как известно, система тоталитарного распределения потребительных стоимостей покоилась на существовании острейшего дефицита, когда каждый директор стоявшего на самостоятельном

балансе предприятия был рад заполучить любой независимо от качества компонент, необходимый для выпуска плановой продукции. Теперь же эти директора требовали предоставления им права самим удовлетворять спрос на компоненты изделий госзаказов, порождая при этом характерный для рынка избыток предложения с присущей ему конкуренцией производителей, безработицей и прочими атрибутами рынка. Иными словами, теперь целью должно было стать не выполнение навязанного во всех мыслимых и немыслимых натуральных деталях плана, а выполнение требований заказчиков, максимизируя при этом финансовую прибыль предприятия.

Пойти на такой шаг руководство "единой фабрики" не могло, ибо он разрушил бы ее вместе с иерархией партийно-государственных должностей. В то же время и планировать по старому было уже невозможно. После длительных и мучительных обсуждений, время от времени выплескивавшихся на страницы "Правды" и других газет, был принят куцый косыгинский вариант, сводившийся, в сущности, к появлению в распоряжении директоров большего по сравнению с прежним денежного фонда, использовавшегося для премирования инженерно-технических работников и служащих. Что касается рабочих, то их премирование из этого фонда было крайне редким.[58]

В уродливом виде идеи Е. Г. Либермана были воплощены и в аграрном секторе, переведенном на прямое банковское кредитование. "В соответствии с постановлением Совета Министров от 17 декабря 1965 г. "Об улучшении кредитования колхозов", – пишет Л. Н. Денисова, – начался постепенный переход колхозов на прямое банковское кредитование. До этого времени колхозы пользовались кредитами через заготовительные организации (конкурировавшие между собой – Ю. И.). Размеры авансов были недостаточны. Они не учитывали действительных потребностей колхозов в денежных средствах, не покрывали даже текущих денежных затрат... В течение всего производственного года хозяйства испытывали острый недостаток средств, поскольку оплата продукции производилась в основном в конце хозяйственного года. К июню 1967 г. на прямое банковское финансирование было переведено 97,8% всех колхозов".[59]

Используя рубль, советское правительство изымало в аграрном секторе максимально дешевую продукцию, не считаясь с убытками колхозов. В конце 80-х гг. общая кредитная задолженность сельхозпредприятий составила 230 млрд. руб.[60] В 1980 г. фонд оплаты

[58] См. напр., "Вопросы экономики" М., 1966. № 6. С. 13.
[59] Денисова Л. Н. Исчезающая деревня... С. 20.
[60] Там же.

труда в колхозах составлял 96% их валового дохода. Ни о каком расширенном воспроизводстве теперь не могло быть и речи. К этому времени призванная обеспечивать город дешевой продукцией колхозная форма производства уже полностью исчерпала себя.

Что касается промышленности, то проводившиеся в середине 60-х гг. *робкие эксперименты* по реализации либермановских идей – созданию на предприятиях фондов развития производства, увязке размеров прибыли с рентабельностью, предоставлению предприятиям банковских ссуд и т. д. – были окончательно загублены отзвуками "морозов", погубивших "нежную пражскую весну".

Между тем, кризис централизованного планирования, скреплявшего в единое целое многопрофильное индустриальное хозяйство "единой фабрики", продолжал углубляться. "Во всяком случае, – писал в 1988 г. о советской экономике Алек Ноув, – если продукт имеет неоднородный состав либо размеры, показатели плана должны иметь обобщенный вид. На самом же деле, план включает 12 млн. различных продуктов с их полной спецификой, соответствующей 48 тыс. плановым показателям. Другими словами, в среднем каждый "продукт" в плановых предписаниях заключает 250 разновидностей. Учет такого количества разновидностей не в состоянии стать объектом детального систематического планирования. На нем тяготеет проклятие неисчислимости показателей; необходимость рассчитывать бесчисленные варианты делает невозможным управление народным хозяйством".[61]

Не случайно, С. Г. Струмилин, возглавлявший в течение многих лет теоретическую и практическую работу в Госплане, активно выступал против применения закона больших чисел в экономике СССР.[62] Он прекрасно понимал, что централизованное планирование натуральных показателей возможно лишь при условии их ограниченности. Отказ же от их бесчисленной множественности мог бы стать признаком того, что многопрофильное промышленное хозяйство уже не может мириться с существованием централизованного планирования, что оно настоятельно требует перехода к рыночным отношениям.

Возможности экономического роста в присущих для "единой фабрики" формах уже были полностью исчерпаны. Надвигался необратимый экономический спад вместе с очередным понижением жизненного уровня масс. Чтобы выйти из тупика, по предложению

[61] Nove Alec. The Economics of Feasible Socialism. L., 1983. P. 73.
[62] См. напр. Кольман Арншот (Эрнест) Мы не должны были так жить. Нью-Йорк, 1982. С. 198-199.

Горбачева, вновь вернулись к идеям Е. Г. Либермана, которые затем пытались претворить в жизнь под названием курса "ускоренного развития".

Характеризуя этот курс, официальный комментатор экономической политики партии Р. А. Белоусов писал: "Следует ориентироваться: а) предприятия сами разрабатывают и утверждают пятилетние планы; б) отказ от финансирования капитальных вложений в действующие предприятия за счет государственного бюджета и переход к долгосрочному кредитованию и самофинансированию их производственного и хозяйственного развития; в) свертывание фондируемого материально-технического снабжения и переход к оптовой торговле средствами производства; г) переход к оплате труда в прямой зависимости от конечных результатов хозяйствования; д) предоставление предприятиям права самостоятельно выходить на мировой рынок".[63] За исключением права самостоятельного выхода предприятий на мировой рынок, цитируемый перечень повторил основные предложения, которые в свое время излагал Е. Г. Либерман.

Как мы уже отмечали, Е. Г. Либерман наметил основные вехи рыночного реформирования централизованно планируемой экономики. Теперь его идеи готовы были поддержать значительно большее число лиц в руководстве ЦК КПСС вместе с ее Генеральным Секретарем. Но одно дело осознание необходимости, другое дело претворение ее в жизнь теми, кто был заинтересован в сохранении пирамиды партийно-государственных чинов. В итоге "ускоренное развитие" на бумаге свелось к звонким пропагандистским фразам, оставляя на деле практически неизменным все, что складывалось в течение многих десятилетий.

Претворить "новый" курс был призван опубликованный 1-го июля 1987 г. закон о государственных предприятиях, оставлявший их в жестких рамках централизованного государственного контроля. Партийно-государственное руководство "единой фабрикой" продолжало в натуре разрабатывать программу долгосрочных инвестиций, распределять по предприятиям обязательные для исполнения заказы с оплатой по централизованно установленным ценам, а также централизованно устанавливать размеры причитающейся им прибыли. В 1988 г. на долю госзаказов приходилось свыше 90% индустриального производства страны.[64]

---

[63] Белоусов Р. А. Коренная перестройка управления экономикой СССР. М., 1989. С. 10.

[64] A Study of Soviet Economy... P. 27.

Указанные меры носили лишь декларативно рыночный характер, призванный отдалить переход к стоимостному обмену товаров и услуг. Между тем, темпы разложения экономического строя СССР убыстрялись, тогда как те, кто его возглавлял, не имели достаточно сил и желания, чтобы его реформировать на новых началах. В таких случаях внешние факторы приобретают решающее значение, принуждая решительно сметать путы, тормозившие экономический прогресс. В 1989 г. рухнула печальной памяти берлинская стена, а вместе с ней наступил конец холодной войны, сделав ненужными как гонку вооружений, так и связанное с этой гонкой производство гигантских запасов оружия.

Окончание холодной войны сломало становой хребет тоталитарной экономики СССР. Всепоглощающее военное производство, на котором держалось ее существование, сразу же превратилось в бессмысленное бремя, в связи с чем в уже в 1989 г. началось сокращение государственных военных заказов, приоткрыв дорогу для роста производства продукции, удовлетворявшей личный потребительский спрос. Подобная закономерность, обусловленная сокращением военных заказов, присуща всем государствам. Наименьшие издержки при этом понесли США, где выпуск товаров для населения постоянно оставался на высоком уровне. Наибольшими эти издержки были в СССР, где выпуск товаров для населения был самым низким. Между тем вопрос о скорейшем переходе к производству гражданской продукции стал для советской промышленности вопросом жизни и смерти, органически включавшим ликвидацию натурального распределения всего и вся и замену его рыночными методами регулирования экономики.

Окончание холодной войны сказалось на всех сторонах жизни СССР. Среди них мы считаем необходимым выделить, по крайней мере, два его последствия: ускорение распада СССР и конец экспансионистской политики Советского Союза, как на Западе, так и на Востоке. Существование вооруженных советской техникой раздутых национальных армий стран Варшавского договора утратило смысл. СССР тем самым лишился основного рычага воздействия на жизнь восточно-европейских стран, препятствовавшего развитию здесь рыночных отношений и демократических традиций, или, иначе говоря, их свободному национальному развитию. Что касается экспансионистской политики на Востоке, то СССР, конечно, мог направлять сюда под мифические кредиты избытки своего ставшего ненужным оружия, но уже при резко сократившейся численности советских инструкторов и прекращении передачи валюты на содержание выгодных для него партий и государственных деятелей.

К этому времени продажа оружия окончательно выродилась в нелепую затею. "С 1950 г. до 1975 г., – пишет Е. Романов, – т. е. за последние 25 лет мы продали оружия на 14,2 млрд. долларов, на 7% больше, чем за этот же срок продали американцы. Если учесть, что мы продаем оружие на 30-40% дешевле, то, следовательно, количество проданного нами оружия не на 7%, а соответственно больше, чем количество оружия, проданного американцами. Мы продаем оружие на выгодных для покупателя условиях, предоставляя обычно двух-трехпроцентный кредит на 10-12 лет. Правда, часто нам должники не платят".[65]

Другим следствием прекращения холодной войны было ускорение распада Советского Союза и образование независимых государств на базе бывших союзных республик. Борьба за независимость этих республик от русского гнета имела давнюю историю. Она усилилась в послевоенные годы в обстановке жесточайшего коммунистического террора, масштабы которого были особенно велики на захваченных накануне второй мировой войны территориях, включая часть Польши и Прибалтийские государства. "За 1940-1953 гг., – пишет Н. Верт, – из Прибалтики было насильственно изгнано 200 тыс. прибалтов, из них литовцев 120 тыс., латышей 50 тыс. и более 30 тыс. эстонцев; к этим цифрам следует добавить еще прибалтов, находившихся в Гулаге – в 1953 г. их было более 75 тыс. чел... В итоге 10% взрослого населения прибалтийских республик было выслано или находилось в лагерях".[66] Следует отметить, что в данном случае речь идет только о выживших в советских лагерях. В предвоенные годы кровопускание было значительно большим. Поэтому число репрессированного взрослого населения намного превышало 10%, указанных Н. Вертом. К тому же аресты прибалтов продолжались и в 60-70-х гг. Количество лишившихся родины и уничтоженных превысило катастрофический порог убыли коренного населения. КПСС целеустремленно проводила политику геноцида прибалтов.

Вместе с тем, очутившиеся в лагерях и спецпоселениях еще дома учились избегать домогательств чекистов. В лагерях они умело разоблачали сексотов в своих рядах и не позволяли вмешиваться в свои дела блатным, действовавшим совместно с лагерной охраной. Именно прибалтам и жителям Западной Украины в первую очередь

[65] Романов Е. О положении и процессах в стране... С. 139.

[66] Верт Н. Государство против своего народа. Насилие, репрессии и террор в Советском Союзе//Куртуа С., Верт Н., Панне Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж. Черная коммунизма книга... С. 231.

принадлежит историческая заслуга организации в гулагах восстаний. Их героическая борьба ускорила освобождение подавляющего большинства политических узников всех народов Советского Союза.

Разумеется, эти годы борьбы за свободу и национальную независимость не могли пройти бесследно. До сих пор время от времени возникают определенные сложности в отношениях Прибалтийских государств с современной Россией. Но они порождены отнюдь не демократами, а злобствующими националистами, как пришлыми русскоязычными, так и коренными прибалтами, требующими диаметрально противоположного пересмотра границ, отношения к русскому языку, культуре и т. п. И те, и другие, каждый по-своему, проповедуют черносотенные решения доставшихся от прошлого проблем. Не подлежит сомнению, что устремления и тех и других обречены. Чем раньше это произойдет, чем скорее общеевропейские ценности стабильности границ, языка, культуры и т. д. станут для всех незыблемыми и самоочевидными, тем скорее межгосударственные трения сменятся возрастающим межгосударственным сотрудничеством при полном уважении суверенитета и независимости обеих сторон. Обстановка для этого уже давно созрела, о чем свидетельствует успешная майская поездка в Латвию Патриарха Алексея.

Выше мы уже отмечали, что еще в 50-х гг. в союзных республиках появились свои "единые фабрики" со своим республиканским распределением главным образом товаров личного потребления. В свою очередь указанные фабрики находились в зависимости от союзной, подчинявшей их гражданское производство производству военному. С прекращением холодной войны, с одной стороны, ослабли экономические скрепы, удерживавшие республики в рамках единого государства. За первую половину 1990 г. по сравнению с соответствующим периодом 1989 г. ВНП СССР сократился на 1% , национальный доход – на 2%.[67]; с другой стороны, усилилась борьба республик за расширение производства товаров личного потребления, призванного восполнить возраставший громадный дефицит. В итоге политические противоречия, сливаясь с нараставшими экономическими, предопределили необратимость распада СССР.

Уже в 1990 г. вопрос о республиканской независимости стал осевым. Его признаком явилась череда республиканских деклараций о государственном суверенитете, застрельщиком которых была Российская Федерация. После принятия 12 июля 1990 г. Верховным Советом РСФСР Декларации о государственном суверенитете подобные декларации в 1990 г. были приняты Верховными Советами Украины,

[67] См. Ельцин Б. Записки президента. М., 1994. С. 24.

Белоруссии, Армении, Казахстана, Киргизии, Башкирии, Калмыкии, Чувашии. 21 июля 1990 г. верховный совет Латвии объявил декларацию сейма от 21 июля 1940 г. "О вступлении Латвии в состав СССР" не имеющей силы с момента ее принятия.

Кульминацией противостояния республиканских и московской номенклатур явился заговор ГКЧП, во главе которого стояли вице-президент, премьер-министр, министры обороны и внутренних дел и председатель Верховного Совета СССР. Основные события разворачивались в Москве, где победителем стал Ельцин, провозгласивший независимость Российской Федерации вместе с запретом деятельности КПСС. Беловежское соглашение лишь довершило этот процесс.

Спектр сил возглавивших новые государства был крайне пестрый – от старой партийно-государственной номенклатуры, спешившей избавиться от московской зависимости, до демократов, представлявших интересы прежде всего другого отряда старой номенклатуры – а именно, директоров объединений и строек. Директора стремились стать собственниками находившихся в их ведении заведений и присваивать их прибыль. В России их интересы наиболее последовательно отстаивал Ельцин, гордившийся тем, что, он, как сам заявил, "не допустил охоты на ведьм". "Мы не допустили революции!"- говорил он; "мы прошли между Сциллой и Харибдой, избежав революции".[68]

Действительно, после прихода Ельцина к власти никакого революционного слома советской государственной машины не произошло. Участники ГКЧП были помилованы и отправлены на покой. Значительная часть старой номенклатуры, получив повышение, заполнила вакансии реорганизованного Ельциным государственного аппарата. Последний непосредственно вырастал из старого советского, отторгая одновременно тех, кто, утратив свои былые привилегии, был не в состоянии трудиться вне рамок иерархии старого партгосаппарата. За счет отторгнутых пополнялись ряды добивавшихся реставрации завещанных Сталиным порядков. О связи советской номенклатуры с аппаратом ельцинской власти свидетельствуют данные нижеприведенной таблицы.[69]

[68] Цит по: Белоцерковский В. Продолжение истории... С. 21.

[69] Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М, 1998. С. 219. Таблица составлена Крыштановской О.

Советская номенклатура в постсоветской российской элите 1995 г.,в %

	Окружение президента	Лидеры партий	Региональная элита	Прави-тельство	Бизнес -элита
Всего из советской номенклатуры	75,5	57,2	82,3	74,3	61
В том числе:					
Партийной	21,2	65,0	17,8	0	13,1
Комсомольской	0	5,0	1,8	0	37,7
Советской	63,6	25,0	78,6	26,9	3,3
Хозяйственной	9,1	5,0	0	42,3	37,7
Другой	6,1	10,0	0	30,8	8,2

Не вдаваясь в детальный анализ таблицы, отметим лишь несколько наиболее очевидных закономерностей. Во-первых, в окружении президента советская номенклатура состояла в основном из тех, кто в прошлом служил в госаппарате; во-вторых, наибольшую власть она сохраняла в провинции; в-третьих, новые предприниматели были в основном комсомольцами и хозяйственниками, выдвинутыми партинстанциями на руководящие посты.

В России, где 80% населения трудились вне сельского хозяйства, основой перехода к рынку могла быть только реформированная промышленность. Трудности же заключались в том, что для этого нужно было не только освободить промышленные предприятия от пут централизованного планирования, но и в корне менять их производственный профиль: потребность в военной продукции чрезвычайно сузилась, тогда как конвертируемость военного производства в гражданское оказалась крайне ограниченной.

Парадокс истории: там, где милитаризованное производство "единой фабрики" базировалось на развитой многопрофильной индустриальной основе, начальный этап перехода к развитому рынку оказался сопряженным с большими трудностями, чем в отсталой аграрной стране, где "единая фабрика" со своим неразвитым милитаризованным хозяйством еще оставалась островом в море индивидуальных крестьянских хозяйств. В первом случае рассматриваемый переход требует ликвидации военных основ индустриального потенциала для того, чтобы корпорации могли

удовлетворить рыночный спрос. Во втором рыночные отношения, начинаясь преимущественно в аграрной сфере, создают благоприятные условия для роста объема на рыночной основе индустриального производства, как это было, например, на Тайване, в Южной Корее и т. д.

В условии неизбежной инерционности милитаризованного хозяйства первичный переход к рынку в нашей стране сказался не столько в том, что производила промышленность, сколько в том, что стало потреблять население, подготавливая тем самым возникновение спроса на гражданскую продукцию промышленности, вынужденной скатываться с военных рельс. Иными словами, уже на начальном этапе ведущая роль в экономическом развитии принадлежала не военному производству, считавшемуся коммунистической статистикой производительным, а торговле потребительскими товарами и продаже услуг, относимыми этой же статистикой к непроизводительным занятиям. Сфера последних стремительно расширялась, чему способствовал хронический дефицит, гигантски выросший в последние годы существования тоталитарной экономики.

По словам Дж. К. Гелбрайта, у населения было больше денег, чем товаров", о чем свидетельствовали "длинные очереди в магазинах".[70] Только в 1988-1989 гг. было выплачено свыше 30 млрд. рублей неотоваренного фонда заработной платы.[71] Появление свободных цен в условиях дефицита потребительских товаров и личных услуг обусловило их заоблачный взлет, позволяя на мизерный капитал сколачивать громадные состояния. На ниве торговли для населения с сопутствующим ей производством товаров и услуг стремительно росли частные капиталы Баскина, Ходорковского, Аликперова, на той же ниве в строительстве металлических гаражей – капиталы Гусинского, на организации мытья окон – капиталы группы Альфа и т. д. В создававшихся ими позднее корпорациях их собственные капиталы утрачивали частную форму, обретая акционерный вид.

В сферу этой торговли устремлялись не только бывшие подпольные дельцы и выходцы из номенклатуры, но и рабочие, ставшие лишними на своих замиравших предприятиях. За счет их подключения к производительным занятиям промышленность с ее простаивавшими мощностями избавлялась от излишка рабочей силы.

Основным же источником поступления товаров личного потребления была заграница. Отечественная промышленность не могла

[70] Гэлбрайт Дж., Меньшиков С. Диалог капитализм, социализм, существование. М., 1988. С. 50.
[71] Трудный поворот к рынку. М., 1990. С. 65.

удовлетворить колоссально выросший платежеспособный спрос. И дело не только в том, что ее основные фонды были ориентированы на выпуск военной продукции. Разбросанные на бескрайних просторах Советского Союза многие виды товаров личного потребления выпускались за пределами РСФСР. Причем из 239-ти важнейших видов продукции бытового назначения 82 производились в традиционном ширпотребовском исполнении лишь на одном предприятии и около 90 видов всего на двух.[72] Импорт же, которым занимались тогда челноки, имел качественно иную основу по сравнению с потребительскими товарами эпохи тоталитарного социализма. В ближневосточном и турецком исполнении утверждались красочные образцы товаров массового потребления индустриально развитого мира, становившиеся теперь обязательным ориентиром для производства российской легкой промышленности.

В этих условиях глубокий спад ее устарелого производства из негодного по качеству сырья был неизбежен. С 1991 г. по 1995 г. выпуск шерстяных тканей сократился с 386 млн. до 72,2 млн. квадратных метров, хлопчатобумажных – с 5295 млн. до 1240 млн., льняных тканей с 497 млн. до 133 млн. За эти же годы производство обуви сократилось с 336 млн. пар до 51,6 млн. пар.[73] В итоге круг покупателей продукции легкой промышленности, бывшей и без того жалким отпрыском военного производства, в условиях перехода к рынку сократился еще больше. Вместе с ним катастрофически упал и ее выпуск, так как теперь не производитель, а потребитель стал определять, что и как производить.

Еще больше сократился круг покупателей у российской тяжелой промышленности. Ее конечная продукция, предназначенная для военных нужд, оказалась в основном никому ненужной. Между тем только рынок с его диктатом потребителя мог обеспечить руководителям корпораций главенствующее место в экономике и политике реформированной страны, расширяя им возможности присвоения прибавочной стоимости.

В связи с этим руководители корпораций были непосредственно заинтересованы, с одной стороны, в сломе системы административной подчиненности главкам, министерствам и т. д., наделенным полномочиями что и как производить и распределять готовую продукцию, с другой, – в предотвращении контроля над ними независимых от них инвесторов, которые могли смещать их с

[72] Там же. С. 172.
[73] Петраков Н. Я. Российская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998. С. 253.

должности либо ограничивать их возможности бесконтрольно распоряжаться имуществом руководимых ими корпораций. Фактически они были заинтересованы лишь в том, чтобы самим распоряжаться корпорациями как своей частной собственностью. Поэтому они решительно отвергли ваучерную приватизацию, которую собиралось проводить правительство Гайдара- Чубайса.

Первоначально, по замыслу Чубайса, приватизация должна была производиться таким образом, чтобы 25% акций по номинальной цене получали бы работники корпораций, – 5% – директора, а остальные приходились бы на долю сторонних акционеров. Такое распределение могло быть возможным в условиях существования развитого фондового рынка, где капиталы корпораций представлены, как правило, множеством инвесторов, акции которых способствуют росту корпоративной прибыли.

Однако фондового рынка как такового в России еще не было. До полнокровных рыночных отношений было еще далеко. По инициативе директоров Верховный Совет 11 июня 1992 г. утвердил закон о приватизации (Чубайс был вынужден пойти на компромисс), по которому руководители корпораций и их коллективы могли приобретать на ваучеры 51% акций. В итоге директора и их немногочисленные клевреты получили возможность, скупая ваучеры, становиться обладателями контрольных пакетов акций предприятий, которыми они руководили. В соответствии с этим сценарием, в середине 90-х гг. было приватизировано девять десятых компаний.[74]

Закон лишь юридически оформил в рамках РСФСР те отношения, которые стихийно складывались до него. Еще в 1990 г. в СССР был создан Союз Трудовых коллективов, представлявший почти всю тяжелую промышленность и научно-прикладную науку.[75]

Естественно, что проводившаяся приватизация породила всплеск споров о том, каким у России мог быть безболезненный путь к рынку, поскольку Чубайс, по мнению большинства спорящих, навязал самый худший "капиталистический вариант" реформирования страны. В дискуссиях по проблемам "капиталистического пути" принимали участие все корифеи нашей экономической науки Л. Абалкин, О. Богомолов, Д. Львов, С. Шаталин, Н. Шмелев и другие. В них участвовали и американские экономисты, на которых в качестве главных экспертов постоянно ссылались российские ученые, отстаивая свои малоразнящиеся программы.

---

[74] Blasi J. R., Kroumova M., Kruse D. Kremlin Capitalism. Privatizing the Russian Economy. Itaca, 1997. P. 89.
[75] Белоцерковский В. Продолжение истории... С. 29.

И здесь нельзя не согласиться с В. Белоцерковским, который в этой связи пишет: «Между этими программами нет принципиальной разницы, а главное, номенклатура, оставаясь у власти, никогда не позволила бы лишить ее возможности быстро и за государственный счет приобрести в свое *коллективное* владение самые важные куски госсобственности». "Горвардская программа" была принята номенклатурой именно потому, что она наилучшим образом отвечала ее интересам. И Гайдар с Чубайсом отнюдь не были зачинателями злополучной реформы. Она вызревала исподволь в "недрах старого строя", как любили говорить марксисты уже в эпоху Брежнева".[76]

Примечательно, что созданная коммунистической номенклатурой бизнесэлита, как и в прошлом, демагогически прикрывала свои корыстные интересы защитой интересов рабочих. В частности, свой отказ от первоначального плана приватизации, выдвинутого Чубайсом, она мотивировала тем, что в нем недостаточно учитывались права работников, трудившихся в подлежавших приватизации заведениях. Появление же сторонних инвесторов, по ее заявлениям, угрожало обвальным ростом безработицы из-за неизбежного сокращения рабочих мест. На самом же деле, как показывает практика, зрелых рыночных отношений привлечение капиталов сторонних инвесторов способствует росту спроса на средства производства и рабочую силу, становится важной составляющей экономического подъема.

Если на рубеже 80-90-х гг. забастовочное движение было направлено против коммунистических властей и выдвинутых ими хозяйственников, то в начале 90-х гг. сами хозяйственники инспирировали забастовки и пикетирование с целью получения кредитов, льгот, дотаций и т. п. в защиту мифических рабочих коллективов. Общая численность бастующих в ноябре 1993 г. – сентябре 1994 г. в масштабах России была невелика – всего порядка 164 тыс. чел., представлявших 500 предприятий, что равнялось примерно работоспособному населению пары среднего размера областных городов. Стачки и пикеты начинались по сигналам новых предпринимателей. Их средняя продолжительность была всего около 4-х дней.[77] Зато воплей по этому поводу в средствах массовой информации хватало с избытком – выдвинутые коммунистами хозяйственники лоббировали свои интересы, прикрываясь интересами рабочих коллективов. С тех пор прошло свыше десяти лет. Однако

---

[76] Там же. С. 23.
[77] См. Кацва А. М., Патрушев С. В. Трудовые конфликты и забастовки. Октябрь 1993-сентябрь 1994.//Социальные проблемы, трудовые конфликты и рабочие организации в СНГ. Россия, Казахстан, Украина, Белоруссия. М., 1994. С. 18.

требования передачи приватизированных предприятий в руки рабочих коллективов до сих пор продолжают не сходить со страниц коммунистической печати, призывающей вернуться назад, к эпохе, отягощенной многочисленными остатками тоталитаризма.

Интересы красных директоров, разглагольствовавших о приоритете нужд рабочих коллективов, находились в непримиримом противоречии с теми, кто добивался скорейшего перехода к развитому рынку. В политике эти противоречия фокусировались в противостоянии законодательной и исполнительной ветвей власти, апогеем которого стало вооруженное столкновение между ними в 1993 г. Законодательная власть в лице Верховного Совета была оплотом красных директоров, стремившихся в целях своего обогащения сохранить status quo, исполнительная власть – оплотом тех, кто добивался углубления рыночных преобразований, что неизбежно вело к компромиссам, негативно сказывавшимся на реформировании страны.

Как справедливо говорил дальновидный Потанин, "ваучерная приватизация проводилась не в интересах инвесторов, а руководителей предприятий. Почти все директора из тех, кто только не были круглыми дураками, сохранили полный контроль над всем имуществом своих корпораций. Это был своеобразный компромисс. Если бы мы не удовлетворили интересы красных директоров, мы не смогли бы осуществить приватизацию. Из-за этого управление акционированными компаниями было чрезвычайно неэффективным. Руководители расхищали имущество и были некомпетентны (разумеется, по меркам цивилизованного рынка – Ю. И.)... "[78]

Одно дело расхищать имущество, другое – умножать его в интересах рынка. Реконструкция промышленности с целью создания качественно нового производственного потенциала, рассчитанного на удовлетворение рыночного спроса, протекала замедленно. Приватизация разрушила "единую фабрику", но ее следы еще чувствовались на каждом шагу.

В условиях рынка имущество предприятий обесценилось, как и та продукция, которая, которая сплошь да рядом не находила сбыта. В данном случае мы говорим о реальных рыночных ценах, а не об административно оцененном в годы тоталитарного социализма имуществе предприятий. Последние оценки были в десятки раз выше. Но если раньше их диктовала пропорционально наращивавшемуся военному потенциалу "единая фабрика", то теперь в условиях рынка эти

[78] Цит. по: Brady R. Capitalism. Russia's Struggle to Free its Economy. New Haven, 1999. P. 142.

оценки превратились в ничто, так как их значимость стал определять потребитель.

Стремясь избавиться от обесценившихся имущества и продукции и иметь при этом (что, казалось бы, было несовместимо) высокую прибыль, красные директора уповали на получение дармовых бюджетных субсидий, повсеместное раздаривание которых, как известно, было одной из главных черт экономического механизма рухнувшей "единой фабрики". Полученные субсидии, как и остальные денежные средства предприятий, можно было, не дожидаясь их инфляционного обесценения, переводить в банки, откуда они всякими правдами и неправдами переправлялись в оффшоры, где они оседали в иностранных банках, на счетах красных директоров.

Пока бюджетные средства оседали за рубежом на счетах красных директоров, коммунисты считали это нормальным явлением. Тем более, что с этих же счетов происходила финансовая подпитка коммунистических организаций. Хозяйственная номенклатура не забывала своих прокоммунистических родичей.

Теперь же, когда в России сложились благоприятные условия для производства на внутренний рынок, коммунисты по-прежнему продолжают ратовать за безмерное увеличение бюджетных субсидий, всячески клеймя переводы капиталов за границу, где прибыль выше, чем в России. Субсидии же подразумевают зависимость хозяйственника от госчиновника, как это было в тоталитарные времена.

Для красных директоров крайне важно было максимальное увеличение расходов бюджета. Среди многих мифов коммунистической пропаганды, которой вторит немало видных наших ученых, есть расхожее утверждение о том, что бушевавшая в стране гиперинфляция была порождена политикой Гайдара-Чубайса, разорявших страну с благословения Международного валютного фонда. В действительности же, все происходило с точностью до наоборот. Обратимся к известным фактам. В апреле 1992 г. Съезд народных депутатов потребовал предоставить субсидии промышленности и сельскому хозяйству в размере 1,2 триллиона рублей, доведя бюджетный дефицит до 23% валового внутреннего продукта. В ответ правительство Гайдара объявило о своей отставке. Отставка не была принята. В качестве компромисса правительство согласилось предоставить субсидии в размере 200 млрд. рублей с расчетом, что бюджетный дефицит составит всего 5% ВВП.

Однако требования увеличения субсидий в законодательном органе власти продолжались. Под давлением Верховного Совета Ельцин был вынужден сменить Гайдара на Черномырдина. Последний, удовлетворяя требования красных директоров, в начале 1993 г.

санкционировал предоставление им субсидий на многие сотни миллиардов рублей больше, чем предлагал Гайдар. В стране началась гиперинфляционная вакханалия. Ежемесячный рост цен достиг почти 30%. Годовые темпы их роста на потребительские товары составили 1354%, на средства производства – 1949%.[79]

От заоблачного взлета цен страдали все, кроме корыстных директоров и коррумпированных чиновников, связи между которыми облегчались тем, что они знали друг друга еще с былых времен, будучи в подавляющем большинстве выдвинутыми на руководящую работу партийными инстанциями. Первые получали дармовые субсидии, вторые взятки за их предоставление. При этом по сравнению с прошлым размеры взяток многократно возросли вместе с многократно возросшей величиной денежных сумм, перепадавших директорам.

Дармовые бюджетные субсидии, позволявшие с прибылью распродавать обесцененные имущество и продукцию предприятий, гарантировали им немедленное обогащение, тогда как производственные затраты, кроме убытков сиюминутно ничего не сулили. Невероятная инфляция усугубляла обесценение производственных фондов вообще и в рабочий период в особенности, поскольку его продолжительность из-за галопировавшего падения цен порождала одни убытки.

Разумеется, это не исключало существование отдельных прибыльных отраслей, на продукцию которых рынок предъявлял повышенный спрос, обнаруживавшийся в долларовом исчислении (в условии открытости рынка доллар в России стихийно стал единственно твердой мерой стоимости, евро тогда еще не было). Однако этот спрос мало затронул ориентированные в прошлом на армию отрасли обрабатывающей промышленности, для реконструкции которых требовались громадные инвестиции, тогда как получавшим бюджетные субсидии красным директорам в погоне за сиюминутной прибылью было невыгодно за счет собственных средств перестраивать собственное производство. Сторонних же инвесторов, как мы уже отмечали, они не подпускали.

Корыстные интересы красных директоров, таким образом, тормозили проведение рыночных реформ и реконструкцию производства соответственно нуждам развитого рынка. Примечательно, что когда Гайдар отмечает просчеты своей реформы, то он обычно указывает пусть и весьма существенные частности, тогда как ее главная ущербность заключалась в том, что при ее проведении он не мог не учитывать материальные интересы руководителей предприятий, т. е.

[79] Blasi J. R., Kroumova M., Kruse D. Kremlin Capitalism... P. 35.

того класса, который возглавлял производство в условиях реформировавшейся экономики. С их интересами были вынуждены считаться все, кто тогда находился на вершинах политической власти.

Эти интересы были преимущественно устремлены не в сферу производства, а в сферу обращения. “Результатом проводившейся макроэкономической политики, – обоснованно указывают Н. В. Бова и В. В. Салий, – стал переток денег в сферу обращения капитала и “обезденежнивание” производственной сферы... В условиях разбалансированности российской экономики произошел массовый перелив капитала из производственной сферы в сферу обращения с последующим переводом значительной его части за рубеж”.[80]

Переход от тоталитарного социализма с его рудиментарным рынком к всеобъемлющим рыночным отношениям уже сам по себе предполагает ускоренное развитие сферы обращения. Оно неизбежно и при гиперинфляции и без нее. Гиперинфляция лишь препятствует становлению другой составляющей рассматриваемого перехода – росту гражданского производства. В условиях, когда последнее только набирало силу, удовлетворение потребительского спроса осуществлялось опережающими темпами через торговлю, создавая в свою очередь качественно новую инфраструктуру сферы торговли и услуг, которая

росла и за счет распродажи выпадавшего из производственного процесса оборудования. Достаточно сказать, что на оборонных предприятиях тяжелой промышленности использование производственных мощностей в первой половине 90-х гг. редко превышало 15-20% и в течение ряда лет оставалось на уровне 10%.[81] Поддержание их в рабочем состоянии постоянно требовало больших непроизводительных затрат, периодически связанных с дорогостоящим профилактическим ремонтом.

Распродажа оборудования была насущной необходимостью, использовавшейся красными директорами для собственного обогащения. С этой целью они создавали при корпорациях коммерческие фирмы во главе со своими родственниками либо ближайшими клевретами. Фирмам по символическим ценам либо бесплатно передавались простаивавшее оборудование и материалы, которые затем по весу или объему вывозились за рубеж. Полученная же выручка (далеко не символическая) поступала на счета корпораций в

[80] Бова Н. В., Салий В. В. Теневая экономика. Содержание, функции, типология. Новосибирск, 1998. С. 27.

[81] Россия после кризиса 1998. Доклад Всемирного банка//Вопросы экономики. 2001 г. 3 12. С. 76.

оффшорах, где она оседала в банках в значительной части на личные счета директоров. Вклады в иностранные банки обеспечивали им надежную прибыль по сравнению с убытками, которые они могли понести в охваченной гиперинфляционной лихорадкой России.

Важным следствием гиперинфляции был полный развал денежного обращения, вынуждавший все предприятия, начиная с корпораций и кончая государственными структурами, использовать в своих взаиморасчетах натуральные платежи. Только в октябре 1993 г. взаимная задолженность достигла 28 триллионов рублей, которая преимущественно погашалась натурой. Денежные налоги в бюджет поступали крайне скудно.

Погашение возникавших при этом долгов невозможно было производить в официальном порядке, поскольку натуральные платежи из-за инфляции не имели денежной оценки, на основе которой долговые обязательства можно было бы взыскивать через суды. Их взимание становилось делом частного договора руководителей предприятий, творивших свой суд и расправу, прибегавших к похищениям неплательщиков, членов их семей, найму заказных убийц и т. д. Эта же практика распространялась и на устранение конкурентов. Для нее создавались собственные службы безопасности, формировавшиеся в первую очередь из бывших работников правоохранительных органов. Криминальный беспредел, смыкавшийся с бандитским, был прямым следствием хозяйственной практики красных директоров.

Чудовищный рост цен вызвал обнищание не только пенсионеров и бюджетников, но и большинства рабочих. На предприятиях, где они трудились, им систематически задерживали выплату денежной зарплаты, которая в это время прокручивалась в банках. Их регулярно отправляли в принудительные отпуска, либо вынуждали существовать за счет бесплатных обедов в заводских столовых либо кредита в заводских лавках, где им предлагали самые дешевые низкокачественные продукты просроченной годности. В частности, в 1995 г. уровень жизни металлургов по сравнению с 1985 г. снизился в 2,5 раза.[82] На многих металлургических предприятиях задержка выплаты заработной платы доходила до 3-х и более месяцев.[83]

[82] Краморов М. Э. Социально-экономическое положение трудящихся в горнометаллургической промышленности: проблемы формирования человеческого капитала.//Горнометаллургический профсоюз России в 90-е годы. Социальные проблемы и организованные действия. М.,1996. С. 10.
[83] Кацва А. М. ГМПР: опыт коллективных действий//Горно-металлургический профсоюз России в 90-е годы... С. 41-42.

Важно и то, что указ Ельцина № 1 о социальном партнерстве и предотвращении трудовых споров (забастовок) на основе годичных решений трехсторонней комиссией – правительства, профсоюзов и предпринимателей – в условиях чудовищной инфляции не срабатывал. Он не мог установить параметры социального мира в переживавшей кризис промышленности. Подобные соглашения возможны лишь тогда, когда происходит рост производства в обстановке предсказуемой инфляции.

В тоже время и забастовки обстановке глубокого спада промышленного производства и большой безработицы были невозможны. "При общем сокращении производства промышленной продукции за 7 лет с 1989 г. по 1995 г. на 55%. пишет М. Э. Краморов, – производство в отраслях топливно-энергетического комплекса снизилось на 37%, цветной металлургии – на 39%, черной на 49%, в машиностроении и металлообработке – на 68% и, наконец, в легкой промышленности на 85%".[84] Забастовки в этот период были редки. Профсоюзы ограничивались в основном митингами протеста и пикетированием, чтобы привлечь внимание властей к бедственному положению занятых в промышленном производстве, требуя от правительства все новых и новых бюджетных субсидий.

Подсчитано, что в 1994 г. средний российский рабочий производил в промышленности товаров и услуг на сумму 4031 дол., в сельском хозяйстве – на сумму 1777 дол.[85] Из этих сумм производителям доставались крохи. Тем самым чрезвычайно суживался платежный спрос на потребительские товары и личные услуги, высокая величина которого является неотъемлемой предпосылкой существования развитого рынка. Последний душился на корню.

Нищенское существование рабочих обеспечивало корпорациям высокие сиюминутные прибыли, которые в значительной части оседали в карманах красных директоров. Однако, с точки зрения перестройки промышленности на базе новейших технологий, т. е. решения стратегических задач ее подъема на рыночных основах, такое хозяйствование губительно. Новые технологии могут прибыльно внедряться лишь там, где они обеспечивают более низкие издержки по сравнению с затратами при использовании рабочей силы. Когда эти затраты мизерны, ручной труд и отсталые технологии успешно конкурируют с наукоемкими ее образцами. Достаточно сказать, что доля труда в издержках производства промышленной продукции

[84] Краморов М. Э. Социально-экономическое положение трудящихся в горно-металлургической промышленности... С. 8.
[85] Blasi J. R., Kroumova V., Kruse D. Kremlin Capitalism... P. 24.

России, по данным, приводимым Н. Шмелевым, в начале нашего века составляла вряд ли больше 12%, в то время как на Западе она находилась на уровне 50-60% и выше.[86]

Приведенные показатели характеризуют не только долю затрат на рабочую силу, но и косвенно – уровень массового спроса на предметы личного потребления и услуги, определяющий развитие рыночной экономики в целом. Не случайно "главным параметром регулирования в экономике США является уровень потребительского спроса среднестатистической американской семьи".[87] Чем выше определяемый массовой платежеспособностью спрос, тем шире возможности развития рыночной экономики и использования дорогостоящих наукоемких технологий.

Таким образом, экономика России к середине 90-х годов оказалась в порочном кругу: с одной стороны, ее выживание определялось порождавшим гиперинфляцию безмерным государственным субсидированием и обнищанием масс, с другой – действие этих же факторов препятствовало подъему ее гражданского производства на базе наукоемких технологий. И безмерное государственное субсидирование, и нищета масс были одними из тех многих пережитков эпохи централизованного планирования, которые препятствовали прогрессу страны.

Важным фактором, способствующим подъему производства и внедрению новейших технологий, мог бы стать приток иностранного капитала, против чего с криками о распродаже страны иностранным супостатам выступали красные директора, опиравшиеся на поддержку коммунистов. Как показывает международный опыт, при правильной постановке дела привлечение иностранных инвестиций даже в производстве сырья стимулирует не только его рост, но и сопутствующий ему рост обрабатывающей промышленности.

Примечательно, что в свое время этого добивался Ленин, предлагавший передать иностранным концессионерам Кривой Рог и четверть Донбасса, громадные нефтяные площади Баку, Грозного, Эмбы, Ухты, богатейшие медные рудники, а также освоение Курской магнитной аномалии. "Архижелательно, – писал он, в частности, А. Серебровскому, – четверть Баку, а то и две четверти сдать

[86] См. Шмелев Н. Монетарная политика и структурные реформы в экономике постсоветской России. Год планеты. Политика, экономика, бизнес, банки, образование. Выпуск 2002 года. М., 2002. С. 112.

[87] Антонец Е. П. Приоритетное развитие микроэлектроники – условие возрождения российской экономики, изменения ее сырьевой ориентации//Доклад на семинаре Центра "Истина". М., 2000.

концессионерам... Только тогда есть надежда на остальных трех или двух четвертях догнать (а затем обогнать) современный передовой капитализм. Зарубите себе и всем на носу: архижелательны концессии. Нет ничего вреднее и губительнее для коммунизма коммунистического самохвальства – сами сладим".[88] По-видимому, наши коммунисты делали зарубки не на носу, а на каком-то другом месте. До сих пор их фантазия не простирается дальше сталинских измышлений об угрозе превращения России в страну зависимую от американского империализма.

Вряд ли здесь стоит останавливаться на всех перипетиях отчаянной борьбы сторонников Ельцина с инфляцией, которую в интересах красных директоров и тех, кто рассчитывал на реставрацию тоталитарной системы, отстаивал парламент. Достаточно вспомнить, что в ее разгар утвержденный парламентом бюджет на 1993 г. вдвое превышал тот, который предлагало правительство. В этих условиях для Ельцина и его сторонников государственные краткосрочные обязательства (ГКО) были единственно доступным средством избавляться от громадного излишка обесценившихся денег.

Самое замечательное, что наша "передовая" экономическая наука до сих пор обычно трактует ГКО исключительно под углом зрения быстрого обогащения российских и зарубежных банков и просто предприимчивых спекулянтов.[89] При этом сознательно или невольно упускается из виду, что ГКО позволяли боровшемуся с инфляцией правительству Ельцина изымать из обращения громадные денежные суммы. Разумеется, это не исключало того, что банки и просто спекулянты чудовищно обогащались. Но за все приходится платить. Как говорится, бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Это была вынужденная дань, которую пришлось отдавать из-за тех, кто, опираясь на прокоммунистическое лобби, утверждал бюджет с чудовищным дефицитом.

Обычно Ельцину ставят в вину и дефолт 1998 г., чрезвычайно болезненно сказавшийся на положении широких масс. Но производственные интересы директората корпораций, ориентировавшихся на внутренний спрос, нередко расходятся с интересами этих масс. Первые руководствуются получением высоких прибылей, вторые удовлетворением собственных потребительских нужд. Интересы и тех и других совпадают лишь в тех случаях, когда условием увеличения прибылей становится расширение

[88] Ленин В. И. Письмо А. Серебровскому. Т. 52. С. 123.

[89] См. Шмелев Н. Монетарная политика и структурные реформы в экономике постсоветской России//Вопросы экономики. 2002. № 5. С. 30.

платежеспособного спроса на потребительские товары и личные услуги, что совпадает далеко не всегда.

Если наблюдается подъем производства, порождающий дефицит кадров квалифицированных рабочих, то профсоюзы могут с успехом требовать повышения заработков, прибегая порой для этого к забастовкам. Об этом писал еще Маркс, указывая, что "в Англии стачки постоянно служили поводом к изобретению и применению тех или иных новых машин. Машины были, можно сказать, оружием капиталистов против возмущения квалифицированных рабочих".[90] Если же этих условий нет, как было в ельцинской России, где производство переживало кризис, и существовала явная и скрытая большая безработица, в том числе и квалифицированных рабочих, то корпорациям было выгодно увеличивать прибыльность за счет снижения издержек на содержание работников.

Курс Ельцина с большими муками создавал предпосылки для превращения Российской Федерации в страну с рыночной экономикой. Неизбежность мук была неотвратима. Как мудро писал еще Энгельс, "История самая жестокая из богинь, ведущая свою триумфальную колесницу через горы трупов не только во время войны, но в периоды "мирного" экономического развития. А мы, люди, к несчастью, так глупы, что никак не можем найти в себе мужества осуществить действительный прогресс, если нас к этому не принудят страдания, которые представляются почти непомерными".[91] Ради мучительного прогресса мы перетерпели не один год непомерных страданий, не поддаваясь коммунистическим увещеваниям вернуться назад к завещанному Сталиным прошлому.

То, что процесс перехода к развитому рынку в последние годы протекает семимильными шагами, историческая заслуга, несомненно, принадлежит Путину. Став преемником Ельцина не только по должности, но и по духу проводимой им политики, ему удалось не только многого добиться из того, что его предшественник в силу объективных обстоятельств не смог осуществить, но и на деле превратить Россию в цивилизованную страну, избавляющуюся от последних следов тоталитаризма.

В политике благодаря его искусным маневрам парламент из оплота антирыночных сил превратился в активного проводника рыночных реформ, что дает возможность ликвидировать юридические руины навсегда исчезнувшего СССР и утверждать профицитный

[90] Маркс К. Нищета философии. Ответ на "философию нищеты" г-на Прудона. Т. 4. С. 179.
[91] Письмо Энгельса. Т. 39. С. 35.

бюджет. В экономике обвальный уровень инфляции уже окончательно преодолен, и она не только идет на спад, но и в ближайшие годы должна достигнуть минимальных показателей индустриально развитого мира.

Начался существенный рост валового внутреннего продукта, втянувший в свою орбиту машиностроение. Этому способствовало, по крайней мере, два обстоятельства – ликвидация окончательно поставленных вне закона натуральных платежей и целевые социальные программы, осуществляемые под руководством первого заместителя премьер-министра Д. Медведева. Обеспечивая рост доходов населения, программы создают благоприятные условия для перестройки всего производства страны на базе наукоемких технологий.

Заметно улучшился налоговый климат для притока иностранного капитала, без чего невозможно добиться быстрого подъема российской экономики на базе ресурсосберегающих технологий. Ушла в прошлое невообразимая задолженность иностранным инвесторам. Громадные валютно-золотые запасы Центрального банка позволяют не только досрочно погашать долги, унаследованные от коммунистического режима, но и приобретать высоколиквидные государственные долговые обязательства иностранных держав. Наконец, успешно идет процесс создания единого евроазиатского пространства государств СНГ, в котором при обязательном соблюдении суверенитета и национальных интересов всех участников Российская Федерация в силу своего мощного экономического потенциала призвана играть определяющую роль.

Путинская Россия уже в корне отличается от ельцинской. Какую бы сторону нашей макроэкономики мы не взяли, везде наблюдаем существенный рыночный подъем со своими, разумеется, большими и малыми проблемами. В новой обстановке заметно поредели ряды красных директоров. Среди них резко выросло число тех, чье производство, переориентированное на российского потребителя, стало прибыльным. А ведь именно они в недавнем прошлом составляли главную социальную опору противников глубоких рыночных преобразований. Одновременно резко сузилась массовая база левых.

Протестные выступления трудящихся в корне разошлись с коммунистическими. В прошлом вызванные беспросветностью и отчаянием их требования госсубсидий на митингах и во время пикетирования совпадали с пожеланиями красных директоров, на чем спекулировали коммунисты, выступавшие против рыночных реформ. Теперь в случаях выплаты натуральной зарплаты и ее задержек трудящиеся обращаются к властям, успешно налагающим на директоров карательные санкции в связи с нарушениями ими нового,

приспособленного к развитому рынку законодательства. В итоге резко сузилась почва для выступлений масс против госаппарата, проводящего рыночную политику. Подобные выступления действительно имеют место, но в тех случаях, когда власти, лоббируя корыстных директоров, сами нарушают рыночное законодательство.

В новой обстановке коммунисты окончательно утратили влияние на массы. Само коммунистическое движение переживает острейший кризис: оно расколото и раздирается острейшими противоречиями. Судя по заявлениям Зюганова, в нем насчитывает 26 организации, начиная от КПСС и кончая РНЕ, которые время от времени объединяются для проведения совместных акций. Из них только КПРФ сумела превысить низший предел числа избирателей, позволяющий иметь своих представителей в Государственной Думе. Но и ей далеко от того, чтобы стать основой обескровленного, раздираемого внутренними противоречиями коммунистического движения.

Еще недавно КПРФ гордилась тем, что она самая крупная партия Российской Федерации, насчитывавшая свыше 500 тыс. членов. Тогда ее социальной базой были красные директора. Массовый переход последних к производству товаров и услуг на внутренний рынок лишил партию Зюганова ее массовой классовой опоры. Ее численность тает как снег под неярким северным солнцем. В настоящее время в 15842 тыс. первичных организациях в ней насчитывается всего 188 тыс. чел.[92] Иначе говоря, в среднем в одной первичной организации состоит не более 11 чел., в основном людей глубоко пенсионного возраста.

И здесь нельзя не согласиться с выводами В. В. Размерова, писавшего еще четыре года тому назад: "Едва ли основой такого (имеется в виду коммунистического – Ю. И.) движения можно считать стареющую и вымирающую КПРФ, и события весны 2002 г. вновь это подтверждают, не говоря уже о том, что помимо традиционного протестного голосования у нее за душой только эклектичная идеология наряду с архаикой старых левых лозунгов, державность и шовинизм".[93]

Диалектика истории неумолима. Со временем она все беспощадно превращает в свою противоположность. Когда-то устремленное в будущее движение, считавшее, что уже созрели предпосылки для наступления "золотого века" всего человечества, уже давно

[92] Доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Российской Федерации XI (внеочередному) съезду партии.//Коммунист № 1. январь- февраль 2006. С. 4.

[93] См. Размеров В. Прошлое и настоящее российского правящего класса. Год планеты... С. 176. Насколько нам известно, В. Размеров первым указал на всеобъемлющую связь современного правящего класса Российской Федерации с партийно-государственной номенклатурой коммунистических времен.

переродилось в движение, для которого "золотой век" коренится в прошлом отдельно взятой отсталой страны. О таких своих последователях еще Маркс с горечью говорил словами Гейне "Я сеял драконов, а пожинаю блох".[94]

Сегодня идеологический багаж КПРФ не имеет ничего общего с марксизмом. Уже больше десятилетия требования ее членов сводятся к призывам восстановить Советы и Советский Союз, деприватизировать собственность, сделав всеобъемлющим бюджетное финансирование народного хозяйства, и возродить военную мощь, соответствующую уровню эпохи холодной войны, обособляясь при этом от мирового сообщества развитых государств. Нетрудно заметить, что подобные требования являются основными составляющими, надо полагать, навсегда исчезнувшей в нашей стране тоталитарной системы.[95]

Как и всякие движения переживающие кризис, идеологические установки коммунистов сплошь да рядом базируются на диаметрально противоположных исходных началах. С одной стороны, они заявляют, что в современных условиях необходимо под крылом государства клонировать генетический код нэпа, с другой, – ратуют за сбережение от какой либо мутации приписываемого только русскому человеку исконного гена, воплотившегося в пресловутой "русской идее". Последняя, по их утверждению, отличается от национальной идеи всех стран и народов "соборностью", под которой подразумевается общинность и коллективизм, "державностью", под которой понимается патриотизм, незыблемая взаимосвязь общества и государства, "духовностью", тождественной воплощению высших идеалов истины, добра и справедливости, и, наконец, "народностью", равнозначной идеям равноправия.

О политических установках КПРФ еще более красноречиво указывают недавно сделанные в Иркутске заявления Зюганова, где он говорил: "В решениях X и XI съездов КПРФ дана характеристика сложившегося в стране режима власти как выразителя и защитника интересов крупного капитала и коррумпированного чиновничества. Маскируя свои действия патриотической риторикой, власть упорно продолжает следовать тупиковым либеральным курсом. При этом возрастает цинизм ее действий". С точки зрения коммунистов КПРФ, курс на создание развитого рынка "ведет страну к разорению, граждан – к обнищанию, а общество к деградации и распаду".

[94] Маркс К. Письмо к Лафаргу. Т. 37. С. 383.

[95] См. Программа Коммунистической партии Российской Федерации//Правда. 31 января 1995 г.

С точки зрения обладавших в прошлом властью членов партаппарата, происходящее действительно – конец света, в лучах которого им когда-то преуспеваючи жилось. Для остальных же сегодняшние реформы благо. За время президентства Путина страна, несомненно, стала богаче и продолжает богатеть, жизненный уровень народных масс заметно повысился и продолжает повышаться, а общество не только не распалось, оно стало сплоченнее под лозунгами Единой России, отстаивающей рыночный курс.

Наконец, среди обвинений Зюганова в адрес правительства и то, что оно "ведет откровенно русофобскую, антинациональную политику".[96] Под "русофобской политикой" Зюганов подразумевает стремление правительства России сплотить народ России в единую общность, не разделенную по национальным, религиозным и расовым признакам. Сам же он отстаивает традиционную для коммунистов черносотенную политику, в которой нерусским нет места.

Примечательно, что зюгановский призыв "Коммунист защищай русских" раздается именно тогда, когда РНЕ буквально объявило кровавую войну всему нерусскому населению нашей необъятной страны. В России на почве ксенофобии убито 28 чел. и совершено почти 400 нападений. "Правда" же на своих страницах с редкостным бесстыдством вторит, что подлецы, убивающие евреев, африканцев и других – это защитники России, отстаивающие ее достоинство, когда на них совершают нападения расово неполноценные люди.

Сногсшибательные заявления Зюганова, как и пропаганда человеконенавистнических мерзостей на страницах "Правды" и других коммунистических изданий, предназначены исключительно для пропаганды среди людей, не искушенных в политике, и подтверждения притязаний бывших партийных функционеров, мечтающих о восстановлении своего былого статуса. В Государственной же Думе Зюганов и его приспешники ведут себя иначе. Как правило, поговорив для порядка о своих притязаниях, они дружно поддерживают предложения Единой России, заявляя, что последняя, да и сам президент лишь озвучивают их пожелания. Фактически КПРФ стоит на пороге своего превращения в социал-демократическую организацию крайне левого толка, как это как это не раз случалось в странах Западной Европы. Единственное препятствие на пути этой эволюции – признание права партийного меньшинства на проведение политики, независимой от руководящей верхушки, чему пока препятствуют синекуры ее руководящих слоев, начиная от вхождения в наблюдательные советы крупнейших корпораций и кончая

[96] См. Правда 17-18 апреля 2006.

поступлениями со счетов оффшорных банков, подачек Б. Березовского и т. д.

Денег у КПРФ еще много, о чем свидетельствуют изданные тысячными тиражами многочисленные фолианты, прославляющие "великую" сталинскую эпоху. Но деньги не в состоянии спасти КПРФ от неотвратимо нарастающего кризиса. Последний лишь одно из многочисленных проявлений общего кризиса коммунистического движения, который становится тем более разрушительным, чем успешнее осуществляется рыночные преобразования в стране. Несмотря на предпринимаемые отчаянные усилия, оно неумолимо уходит в небытие, утрачивая своих былых приверженцев.

Идейный багаж КПРФ – привычные шаблоны хрущевских времен, не имеющие с марксизмом ничего общего. За примерами не надо далеко ходить. Достаточно взять подписанное Зюгановым заявление Президиума ЦК КПРФ, в котором говорится что "Великий Октябрь дал мир – народам, передал землю в бесплатное пользование крестьянам, отменил сословные и классовые привилегии".[97] Здесь, что не слово, то ложь. Октябрь породил не мир, а новую не прекращавшуюся войну во имя утверждения коммунизма во всем мире, земля конфисковывалась у помещиков и старательных, по выражению Ленина, крестьян; на месте старых возникли новые сословные и классовые привилегии.

Сословные привилегии и ограничения классов, на которых держалась самодержавная Россия, сменились новыми сословными ограничениями и привилегиями, обусловленными приходом к власти коммунистического директората. И это было неизбежно. В условиях преобладания натуральных отношений различия в положении классов (то, что классы были, у Ленина не возникало сомнений) могли фиксироваться только не всегда опубликованным законом. Лишь в условиях рынка "сущность классового общества (и классового образования, следовательно), – писал еще в конце XIX в. Ленин, – состоит в полном юридическом *равенстве,* в полной равноправности всех граждан, в полной равноправности и доступности образования для имущих".[98]

Другое дело, что при "полном юридическом *равенстве"* классовое неравенство проявляется не в законодательных ограничениях, а в том, что у одних денег меньше, у других больше. Причем, как говорится, у кого больше, тот и пан. А это в свою очередь указывает на то, что и в условиях рынка и без него у социализма возникают свои классовые проблемы, о чем разговор пойдет ниже.

[97] См. Правда. 19 августа 2004.

[98] Ленин В. И. Сочинения. Т. 2. Перлы народнического прожектерства. С. 476.

Как показывает опыт Западной Европы, идейная сумятица в коммунистическом движении – объективный процесс, не зависящий от воли и сознания участвующих в нем людей. В свете этого особенно огорчает то, что указанные процессы остаются вне понимания наших многих видных ученых, исходящих из оценок происходящего и перспектив развития страны из привычных для них коммунистических представлений, которые они десятилетиями пропагандировали с кафедр и со страниц своих изданий. Их оценки современной действительности с упором на грядущем апокалипсисе, не отличающемся от апокалипсиса КПРФ, напоминают плач Иеремии: "Камни святилища раскиданы по всем перекресткам. Евшие сладкое истлевают на улицах, воспитанные на багрянице (праздничная одежда – Ю. И.) жмутся к навозу".[99] Что ж здания "святилищ" компартии действительно исчезли, а евшие в этих святилищах сладкое и носившие парадные униформы теперь действительно вынуждены жаться к презираемому когда-то простому люду.[100]

За примерами подобных плачей не надо далеко ходить. Совсем недавно, в 2001 г., Институт социально-политических исследований РАН опубликовал капитальный труд "Реформирование России: от мифов к реальности". Его авторы, например, отмечали, что с 1990 г. по 2000 г. падение промышленного производства составило почти 50%.[101] Действительно, если руководствоваться тоталитарными мерками, исходившими из того, что производство вооружений является производительным, а торговля потребительскими товарами и личные услуги – непроизводительным занятием, то указанное падение производства действительно имело место. Однако при этом совершенно упускается из вида, что в условиях рыночных отношений применение оценок эпохи все определявшего военного производства превратилось в неблагодарное занятие, что теперь следует руководствоваться иными критериями, критериями, исходящими из оценок рыночного спроса. Тогда окажется, что за годы реформ уровень промышленного производства по сравнению с тоталитарным прошлым у нас значительно вырос, не говоря уже о показателях сегодняшнего дня.

Под углом тоталитарных выкладок авторы рассматриваемого труда оценивали и изменения в сельском хозяйстве, где, как они пишут,

---

[99] Цит по: Библейская энциклопедия. М., 1990. С. 326.

[100] Чтобы облегчить положение бывших работников партаппарата, привлекая их на свою сторону, Зюганов предлагает распространить на них права участников войны и работников тыла, поскольку у них есть соответствующие медали и даже ордена. Однако его предложения не встречаю одобрения ни у Президента, ни у большинства Думы.

[101] Реформирование России: от мифов к реальности. Т. 1.М., 2001. С. 8.

"миллионы гектаров выведено из оборота, преимущественно пашни. Значительно сократилось поголовье рогатого скота. Урожай собирают около 70% того, что получали на территории Российской Федерации в 1990 г. По существу речь идет об установлении нового "помещичьего" землевладения". Заключают же этот плач причитания о том, что "под угрозой находится самообеспечение России продуктами".[102]

Сегодня эти прогнозы выглядят смехотворно. Опостылевшая при коммунистах проблема самообеспечения России зерном сменилась другой – куда его девать. Что же касается сокращения поголовья скота и возникновение нового "помещичьего" землевладения, то это прямая "заслуга" колхозно-совхозного руководства, беспардонно распродававших имущество своих хозяйств и принуждавших крестьян арендовать землю, отказывая им в ее приватизации. Если они и есть новые русские, то выращены они не на рыночных просторах, а в хозяйствах нещадно эксплуатировавшейся коммунистами деревни.

В том же духе написан и остальной текст. "Фактически наблюдается, – пишут его авторы, – криминализация всей системы общественных отношений, разрушение и деформация традиционных гуманистической системы ценностей... Интересы России не только игнорируются, сколько прилагается максимум усилий для ее ослабления и даже демонтажа из-за страха возможного реванша. Последствия такой политики катастрофичны, учитывая традиционную стабилизирующую роль России на просторах Евразии, да и во всем мире".[103]

Подобные пассажи о "традиционно стабилизирующей роли России на просторах Евразии, да и во всем мире" годятся разве что для патриотического отклика мало сведущих в истории страны. Россия, воплощавшая в жизнь идею мировой революции, в течение 80-ти лет дестабилизировала политическую обстановку во всем мире.

Лишь со свержением власти коммунистов Российская Федерация смогла стабилизировать свои отношения с окружающим миром, но уже не на почве имманентной агрессии, а на почве расширения и укрепления рыночных связей. Посмотрев текущую статистику последних лет, сверив ее с данными о политическом и социальном состоянии России, непредвзятый читатель по достоинству может оценить горячечные видения ученых мужей грядущего апокалипсиса.

Разумеется, было бы неверным утверждать, что сотрудники Российской академии наук и кафедр ведущих вузов способны только кликушествовать по поводу существования отторгнувшего большевизм

---

[102] Там же.

[103] Там же. С. 10, 11.

мира. Даже в годы тоталитарного режима были ученые и научные коллективы, которые в рамках большевистской доктрины пытались по-марксистски объяснять происходившие на Западе рыночные изменения. Фактически это были попытки придать марксизму "научное лицо", сродные в политике с попытками придать "человеческое лицо" большевистскому социализму.

В частности, А. Г. Аганбегян доказывал неизбежность отставания СССР от "капиталистических" стран с рыночной экономикой; профессор И. Г. Блюмкин выпячивал рациональное зерно в представлениях о рынке "буржуазных" идеологов, профессор А. И. Бечин отрицал абсолютное обнищание пролетариата в странах Запада. По инициативе член-корреспондента академии наук СССР Т. Т. Тимофеева в Институте международного рабочего движения доказывалось, что у нас и за рубежом усложняются навыки рабочих, сопровождаясь повышением их образовательного уровня и стоимости рабочей силы. Под руководством академика А. Г. Милейковского в Институте мировой экономики и международных отношений отстаивалась мысль, что "капиталистические" корпорации не разоряют мелкие частные заведения, как традиционно утверждалось в коммунистических изданиях, а используют их в качестве интегральной части своего собственного производства.

В связи с этим Ю. Б. Кочеврин и В. Б. Рамзес, в частности, писали, что "крупные предприятия, концентрируя у себя производство основных профилирующих видов продукции, а также ряд важнейших стадий производственного процесса (начальные в химии, металлургии, текстильной промышленности, завершающие в машиностроении) в производстве мелкосерийной и уникальной продукции и в промежуточных стадиях производственной вертикали, а иногда "на выходе" готовых изделий оставляют место для существования многочисленных мелких и средних предприятий".[104]

Разумеется, было бы неверным утверждать, что в современных условиях мелкое предпринимательство возникает только тогда, когда корпорации сами непосредственно насаждают его сверху. Оно может также само спонтанно расти снизу, но это происходит только тогда, когда ему так или иначе удается найти нишу в сложной системе порожденных корпорациями продаж и услуг. Известно, например, что "крупные производители одежды покупают модели у мелких

[104] Политическая экономия современного монополистического капитализма. М., 1970. С. 246.

модельеров. Дюпон обращается к мелким фирмам в Париже и Нью-Йорке с целью разработки образцов ткани".[105]

Как бы не были ценны указанные разработки советских ученых, они до сих пор остаются лишь частичными отступлениями от пошлостей коммунистической доктрины. В политике поисками "человеческого лица" уже давно перестали заниматься. В науке же поиски в рамках тоталитарной парадигмы рыночных истин надолго застревают в нагромождении тоталитарных утверждений, порождающем различного рода кликушеские предсказания.

С этой точки зрения весьма типична, например, статья некоего А. А. Ковалева под претенциозным названием "Основы и принципы социализма", в которой глубокомысленно отмечается "тенденция к централизации собственности на средства производства и, в конечном счете, образованию общенародной собственности" на основе самоуправления трудящихся.[106] Так писали не менее семидесяти лет тому назад, когда многоуважаемый профессор, по-видимому, еще ходил под стол. Тем не менее, эти уже давно набившие оскомину сталинские пошлости преподносятся в качестве основополагающих принципов *современного социализма.*

Разговоры об общенародной собственности, которой, разумеется, призваны распоряжаться чины коммунистической иерархии, нужны А. Ковалеву для обоснования того, что "тождественный капитализму" рынок препятствует свободному развитию всех членов общества. "Что касается свободного всестороннего развития всех членов общества, – пишет профессор, – то он (имеется в виду капитализм – Ю. И.) всячески тормозит развитие этого процесса. Культивируется пресыщение физических и других потребностей низшего порядка, индивидуализм с образом жизни человека, ограниченного его личными интересами, что, в конечном счете, приводит к деградации личности".[107]

Пока рынок с его изобилием предметов личного потребления и услуг нигде не повлек за собой "деградацию личности". Более того, благодаря всестороннему потреблению личности открывается широкий простор для развития производительных сил в масштабе всего общества. На это прозорливо указывал Маркс еще тогда, когда предпосылок для рыночного социализма не было. "В качестве безудержного стремления к всеобщей форме богатства, – писал он, – капитал гонит труд за пределы, обусловленные природой потребностей

[105] Гелбрайт Д. К. Экономические теории и цели общества. М., 1979. С. 95.
[106] Ковалев А. Основы и принципы социализма//Коммунист. № 6 ноябрь-декабрь 2005. С. 50.
[107] Там же. С. 59.

рабочего, и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всестороння и в своем производстве, и в своем потреблении, и труд, который выступает поэтому уже не как труд, а как полное развитие самой самодеятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в своей непосредственной форме, ибо на месте обусловленной природой потребности становится потребность, созданная исторически". [108]

Разумеется, почтенный профессор может не знать Маркса. Да и это не важно. Важно другое. А. Ковалев протаскивает мысль, что не потребление, а сосредоточенное в руках коммунистов производство должно определять развитие общества, насильственно низводя его работников до уровня не выше "обусловленных природой потребностей", который позволяет изымать у таких работников все, что они сверх того создают.

Другой лейтмотив рассматриваемой статьи – восхваление распавшегося СССР, где доля личного потребления населения в ВПП была одной из наиболее низких в мире, обеспечивая партийно-государственному аппарату изобильную жизнь. "В СССР, – пишет А. Ковалев, – государство в основном проводило политику на всестороннее развитие всех членов общества. Об этом свидетельствует прежде всего структура затрат на личное потребление. За счет государства полностью или в большей части обеспечивалось удовлетворение потребностей в таких дорогостоящих предметах потребления и услугах первой необходимости, как жилье, коммунальные услуги, здравоохранение и др., а также в услугах, направленных на всестороннее развитие человека, как образование, культура и т. п.".[109]

Действительно, партийно-государственная номенклатура постоянно имела в изобилии все, о чем пишет А. Ковалев. Остальным приходилось влачить существование на грани вымирания. Вот, что пишет, например, Е. Романов, о радужных, по А. Ковалеву, достижениях здравоохранения в связи с шестидесятилетней годовщиной существованием советской власти. "Не хватает больничных коек, не хватает персонала, не хватает аппаратуры, не хватает лекарств. Приведу сравнение с Западной Германией. Пропускная способность амбулаторного приема у нас в 2,3 раза меньше, сеть аптек в 4,8 раза меньше. Особенно тяжелое положение у нас в сельских местностях. Не решена проблема транспорта больных, что ведет к повышению смертности и разным осложнениям болезней. Не

[108] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (первоначальный вариант "Капитала"). Т. 46. Ч. 1. С. 280.
[109] Там же . С. 60.

проводятся повсеместные профилактические мероприятия – массовые исследования для своевременного выявления заболевания раком, сахарной болезнью и т. п. Слуховые аппараты, линзы, протезы – все это дефицитные товары в нашей стране, да еще зачастую плохого качества".[110]

Разумеется, о научном значении опусов, подобных сочинениям А. Ковалева, вряд ли стоит здесь упоминать: они убоги. Тем не менее, на них приходится задерживать внимание читателя, поскольку точка зрения их авторов отражает объективное состояние наших общественных наук, не способных, как правило, дать реальную оценку социальных последствий развития нашей рыночной экономики. Ее последствия возможно оценить только в том случае, если они рассматриваются, исходя из производства прибавочной стоимости, теория которой в наибольшей степени была разработана Марксом. Поэтому его труды – неизбежная точка отсчета любого научного анализа рыночной трансформации современного российского общества.

[110] Романов Е. В борьбе за Россию... С. 124.

МАРКСИЗМ УМЕР, ДА ЗДРАВСТВУЕТ МАРКСИЗМ

После ставших достоянием гласности гнусных преступлений коммунистов нет ничего глупее обвинять в этом марксизм, на который постоянно ссылались творцы беспросветной жизни советского народа. Имея в лучшем случае лишь школьные знания, творившие безобразия полуграмотные политбюровские старцы во главе со своими первыми секретарями не могли читать Маркса, поскольку "*научные* попытки революционизирования науки (а "Капитал" был как раз такой попыткой) никогда не могут, – как писал Маркс, – быть действительно общедоступными.[111] Его сочинения, включавшие анализ бесчисленного количества сложнейших книг, были недоступны для их понимания подобно тому, как теория Эйнштейна недоступна для понимания тех, у кого для ее изучения нет специальной подготовки.

Ходячие когда-то среди коммунистов представления, будто малограмотные рабочие в состоянии понять теорию прибавочной стоимости идут еще от Ленина, который, приехав в Париж, поведал Лафаргу о том, что в кружках из более способных рабочих штудируют Маркса. И они читают Маркса? – спросил Лафарг. Читают, – ответил Ленин. И понимают? Понимают. Ну, в этом вы ошибаетесь, – заключил ядовитый француз. – Они ничего не понимают. У нас после 20 лет социалистического движения Маркса никто не понимает".[112]

Российским рабочим, окончившим приходскую школу, а то и просто самостоятельно выучившимся читать и писать, в лучшем случае было доступно осознание того, что фабриканты богатеют за счет эксплуатации их труда. Остальные вытекавшие из этого абстракции были выше их понимания. Для Энгельса, намучившегося с редактированием "Капитала", приведенные ленинские высказывания могли представлять интерес только в качестве свидетельства существования в отсталой России примитивных представлений. Неслучайно, вероятно, поэтому Ленин отказался от поездки в Лондон, чтобы его навестить, ибо уже знал о результате визита к нему своего ближайшего сподвижника Потресова. Сберегая время, Энгельс вряд ли удосужился бы вторично выслушивать наивные утверждения, которые самоуверенно вещал ему Потресов. Но это не самое важное.

[111] Маркс К. Энгельс Ф. Т. 30. С. 528.
[112] Цит. по: Логинов В. Владимир Ленин. Выбор пути... С. 386.

Гораздо важнее было то, что марксову теорию прибавочной стоимости не понимали не только рабочие, но и профессиональные экономисты. Сам автор обнаруживал нестыковки ряда важнейших своих положений. Поэтому ему постоянно приходилось вновь и вновь переписывать свое, казалось бы, уже законченное 25 июля 1867 г. детище – первый том "Капитала". В январе 1966 г., когда том находился еще в корректуре, была написана рукопись "Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства".[113] Рукопись вошла во второе существенное переработанное немецкое издание 1872 г. и первое русское издание, дополненные еще одной вставкой " Форма стоимости".[114] В 1972-1975 г. был подготовлен к изданию французский вариант первого тома "Капитала", включивший в виде дополнения "Фрагменты из авторизированного французского издания 1 тома Капитала".[115] Лишь редакцию этого издания Маркс посчитал окончательной.

В указанных дополнениях вновь и вновь рассматривались противоречия, возникавшие из проведенного им анализа производства прибавочной стоимости, считавшимся Марксом лучшим из того, что было написано в "Капитале". В частности, в письме к Энгельсу он писал: "Самое лучшее в моей книге (речь идет о "Капитале" – Ю. И.), – 1) подчеркнутый уже в *первой* главе *двойственный характер труда*, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости (на этом основывается *все* понимание фактов); 2) исследование прибавочной стоимости *независимо от ее особых форм:* прибыли, процента, земельной ренты и т. д. Исследование этих особых форм в классической политической экономии, которая постоянно смешивает их с общей формой, представляет, представляет собой Olla Potrida".[116]

При изучении марксистской постановки вопроса о прибавочной стоимости и предсказанных Марксом и Энгельсом социальных метаморфозах, сопровождавших рождение нового общества, на наш взгляд, следует выделять два периода: 1) От появления "Принципов коммунизма" Энгельса и "Коммунистического манифеста" до появления "Антидюринга" (1847-1877 гг.), когда основоположники марксизма полагали, что частная собственность будет уничтожена,

[113] Маркс К. Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства. Т. 49. С. 3-138.
[114] Маркс К. Форма стоимости. Т. 49. С. 139-166.
[115] Маркс К. Фрагменты из авторизованного французского издания 1 тома Капитала. С. 167-233.
[116] Маркс К. Письмо Энгельсу в Манчестер (Лондон) 24 августа 1967 г. Т. 31. С. 277. Olla Potrida (лат.) – сумбур.

средства производства огосударствлены, рынок труда и капитала ликвидирован.; 2) После кончины в 1883 г. Маркса, к этому времени утратившего из-за болезни свою былую работоспособность. После его смерти практически всю оставшуюся жизнь Энгельс редактировал все три тома "Капитала" под углом зрения существования общественного производства акционерных компаний. Фактически отредактированный им "Капитал" это совместный труд его и Маркса, хотя везде он оставил имя только своего покойного друга.

В то время, когда Маркс и Энгельс приступали к разработке своих коммунистических воззрений, большинство населения западноевропейских стран составляли разорявшееся крестьяне и ремесленники, утрачивавшие прежние навыки труда. В Англии, например, вплоть до середины XIX в. большинство английских рабочих лишь временно трудились на фабриках, выполняя неквалифицированные работы. Они представляли собой деклассированные слои города и деревни, вынужденные искать новые источники существования. На фабриках они пополняли ряды разнорабочих, где машины, по утверждению Маркса и Энгельса, "все более стирали различия между отдельными видами труда и почти всюду низводили зарплату до одинаково низкого уровня".[117]

Именно эти разнорабочие, по их мнению, были призваны стать массовой опорой движения за ликвидацию частной торговли, обусловленной кризисами перепроизводства. "Когда весь капитал, – писал Энгельс, – все производство, весь обмен будут сосредоточены в руках нации, тогда частная собственность отпадет сама собой, деньги станут излишними, и производство увеличится в такой степени, а люди настолько изменятся, что смогут отпасть и последние формы отношений старого общества".[118]

Сказанное были требованиями зарождавшегося директората, добивавшегося обладания собственностью капиталистических предпринимателей в условиях, когда рыночные отношения еще не созрели для такого обладания. Неслучайно, десятилетия спустя Энгельс с одобрения Маркса подчеркивал, что, чем больше производительных сил возьмет государство в свою собственность, сохраняя при этом рынок рабочей силы, "тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем больше граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, наоборот, доводятся до крайности, до

[117] Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Т. 4. С. 432.
[118] Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Т. 4. С. 333.

высшей точки".[119] Нетрудно заметить, что, как и сегодня у многих, рынок здесь ассоциировался исключительно с существованием капитализма.

Когда Маркс и Энгельс в это время писали о пролетариях, то подразумевали всех, "кто добывает средства к жизни исключительно путем продажи своего труда, а не живет за счет прибыли с какого-нибудь капитала, – класс, счастье и горе, жизнь и смерть, все существование которого зависит от спроса на труд, т. е. от смены хорошего и плохого состояния дел, от колебаний ничем не сдерживаемой конкуренции. Одним словом, пролетариат, или класс пролетариев, есть трудящийся класс XIX века".[120]

Именно с легкой руки Маркса и Энгельса по страницам коммунистической прессы пошло гулять выражение "диктатура пролетариата", тогда как на деле она могла быть только диктатурой директората. Причем отношения последнего с рабочими описывались ими таким образом, что скрашивалась эксплуататорская сущность нового социального строя, который они собирались установить. Согласно их утверждениям, с экспроприацией частного капитала труд по надзору утратит "свой антагонистический характер, ибо управляющий фабрикой станет оплачиваться рабочими, а не являться "по отношению к ним представителем капитала".[121]

Не подлежит сомнению, что Маркс и Энгельс в своем первоначальном варианте перехода к коммунистическому обществу идеализировали социальные отношения. В частности, они утверждали, что "организация труда и предоставление занятий пролетариям в национальных имениях, фабриках и мастерских, благодаря чему будет устранена конкуренция рабочих между собой, и фабриканты, поскольку они еще останутся, будут вынуждены платить такую же высокую плату, как и государство".[122] На деле же, как показывает история, зарплата в частных заведениях неизменно была выше той, которую коммунисты платили рабочим в своих огосударствленных хозяйствах.

А чего стоит, например, следующий пассаж: "Сооружение (дополненное "разрушением всех нездоровых плохо построенных жилищ и кварталов в городах") больших дворцов в национальных владениях, в качестве общих жилищ для коммун граждан, которые будут заниматься промышленностью, сельским хозяйством и соединять

[119] Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. Т. 20. С. 290.
[120] Энгельс Ф. Принципы коммунизма... С. 322.
[121] Маркс К. Капитал. Т. 25. Ч 1. С. 426.
[122] Энгельс Ф. Принципы коммунизма... С. 332.

преимущества городского и сельского образа жизни, не страдая от их односторонности и недостатков".[123] В действительности, в таких случаях большими дворцами пользовались лишь представители директората, в то время как рабочим доставались еще более переполненные, еще более нездоровые жилища.

Став во главе государства, российские большевики впервые осуществили на практике все завещанные в "Принципах коммунизма" и "Коммунистическом манифесте" меры, довершив их в теории и на практике соединением исполнительной и законодательной власти, введением сословных привилегий и ограничений, созданием партийно-государственной иерархи и т. п. Их опыт послужил образцом для подражания приходившим к власти коммунистам отсталых аграрных стран, подавляющее большинство населения которых составляли разорявшиеся крестьяне и ремесленники.

Если бы Маркс и Энгельс ограничились только "Принципами Коммунизма" и "Коммунистического манифеста", то сегодня изучение таких работ в лучшем случае было бы лишь данью истории, данью тому, чему нельзя подражать. Но помимо этих принципов, написанных в эпоху, когда капиталистическое общество еще только беременело социалистическим, Маркс и Энгельс написали "Капитал", где подробно прослежена эволюция рыночного хозяйства, социальные последствия производства и распределения прибавочной стоимости и т. д. В связи с этим любое исследование современных социальных проблем требует предварительного изучения, а затем и критического осмысления проделанной ими работы.

Разработанная Марксом теория стоимости строилась на утверждении о том, что производство на фабриках носит непосредственно общественный характер, и потому произведенные здесь трудовые затраты, являясь общественно необходимыми, сами определяют стоимость произведенной продукции. В его концепции стоимости производство определяло все, не оставляя малейшего места в ней для потребления. "Товар как *всеобщая необходимая форма продукта*... – пишет Маркс, – наглядно обнаруживается в производстве в широком масштабе, которое создается развитием капиталистического производства, в односторонности и *массовости продукта,* которая неизбежно придает ему общественный и тесно связанный с общественными отношениями характер; напротив, его непосредственное отношение в качестве потребительной стоимости к

[123] Там же. С. 333.

удовлетворению потребностей производителя выступает как нечто совершенно случайное, безразличное и несущественное".[124]

В связи с этим в качестве абсолютного выражения стоимости он вслед за Рикардо предложил использовать время, затраченное на производство товара. "Общественно необходимое рабочее время, – пишет Маркс, есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда".[125]

Но временем можно измерять труд только в текущем состоянии, характеризуя продолжительность производственных процессов, в том числе и процессов обусловленных потреблением рабочей силы, тогда как стоимость, по Марксу, образует (и это верно) законченный, застывший в предметах, овеществленный труд. В отличие от труда в текучем состоянии этот труд уже лишен какой бы то ни было продолжительности. Поэтому его общественное бытие невозможно измерить временем. Сам факт его существования в общественно необходимом виде может быть обнаружен только вне производства, только вне стен фабрики, а именно в обмене товаров, где он в превращенной форме, в форме стоимости получает свое собственное выражение, отличное от воплощающей его натуральной формы товара.

Предложенное же Марксом измерение стоимости, или, говоря иначе, общественно необходимого овеществленного труда, посредством общественно усредненного рабочего времени стало возможным лишь потому, что он ошибочно полагал, будто бы величина стоимости определяется исключительно самим фабричным производством, уже имеющим общественный характер.

Как известно, Маркс гордился тем, что ему удалось доказать двойственную природу содержавшегося в товаре труда, его конкретный и абстрактный характер, подчеркивая при этом, что первый создает потребительную стоимость, второй – стоимость. Раскрытие двойственности содержащегося в товаре труда было действительно выдающимся событием в истории политэкономии, впервые потребовавшим изучения диалектики присущих товарообмену противоречий: стоимости, обусловленной затратами абстрактного труда, и потребительной стоимости обусловленной его конкретностью. Однако сам Маркс, следуя своему исходному постулату, был не в состоянии последовательно выявить эту двойственность в своих исследованиях.

[124] Маркс К. Капитал. Книга первая. Результаты непосредственного процесса производства. Т. 49. С. 7.

[125] Маркс К. Капитал. Т. 23.. С. 47.

Пользуясь временем для измерения величины общественно необходимых затрат овеществленного труда, он фактически подменял измерение абстрактного труда измерением конкретного труда.

Вместе с тем, использованный им логический метод исследования, освобожденный от описаний зигзагов истории, стал подлинным прорывом в изучении диалектики противоречий, присущих стоимостным отношениям. Энгельс дал весьма точную характеристику указанного метода. “Этот метод, в сущности, является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинается история, с того же должен начаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме”.[126]

Маркс, действительно, начинает исследование стоимости “в абстрактной и теоретически последовательной форме” с того, с чего начинается история товарообмена, а именно с анализа его простейшей формы в виде случайного непосредственного обмена одного товара на другой, в котором определяющие их бытие гены еще не успевают полностью раскрыться, приобретая присущие им противоположные формы.

За выведенными Марксом *выражениями стоимости,* в сущности, скрываются по-разному участвующие в обмене лица: один из них – производитель, продающий товар, другой – его покупатель. Первый у Маркса представлен товаром в относительной форме, в качестве примера которого взят набивший оскомину в работах его коммунистических эпигонов холст, второй – в эквивалентной форме, в качестве примера которого избран не менее набивший оскомину в этих работах сюртук. Их подмена другой товарной черныо считалось у коммунистов высшим проявлением творческого осмысления марксизма.

Маркс прав, указывая на то, что в непосредственном обмене товаров холст и сюртук находятся одновременно в относительной и эквивалентной форме стоимости. Однако при этом он подчеркивает, что это имеет место “для двух различных лиц и в двух, что не менее важно, различных выражениях стоимости (имеются в виду выражения: холст – сюртук и сюртук – холст, – Ю. И.), которые лишь проявляются одновременно. Для А его холст находится в относительной форме стоимости, товар другого, сюртук, напротив, находится в эквивалентной форме. Обратное имеет место с точки зрения Б. Итак, один и тот же

[126] Энгельс Ф. Карл Маркс. “К критике политической экономии”. Т. 13. С. 497.

товар никогда, даже и в этом случае, не обладает обеими формами одновременно в одном и том же выражении стоимости”.[127]

Действительно, “один и тот же товар не обладает одновременно обеими формами в одном и том же выражении стоимости”, что послужило отправной точкой научного изучения диалектики стоимости и потребительной стоимости. Однако подлинное единство и противоречие этих форм в одном и том же выражении стоимости далеки от тех, каких им приписывает Маркс. По Марксу, товар продавца (холст), представленный в относительной форме, играет активную роль, тогда как товар покупателя (сюртук), представленный в эквивалентной форме, играет пассивную роль. “Степени развития относительной формы стоимости, – пишет Маркс, – соответствует степень развития эквивалентной формы. Однако – и это важно отметить – развитие эквивалентной формы есть лишь выражение и результат развития относительной формы стоимости”.[128]

Таким образом, первый товар (холст) определяет способность (сюртука) быть воплощением своей стоимости. “Холст, – продолжает Маркс, – выражает свои мысли на единственно доступном ему товарном языке. Чтобы высказать, что труд в своем абстрактном свойстве человеческого труда образует его, холста собственную стоимость, он говорит, что сюртук, поскольку он равнозначен ему и, следовательно, есть стоимость, состоит из того же самого труда, как и холст”.[129] В связи с этим в рассматриваемом отношении сюртуку отводилась роль быть лишь “зеркалом”, “образом” стоимости холста. Иначе говоря, по Марксу, содержание стоимости воплощал холст, тогда как сюртук служил той формой, в которой это содержание проявлялось.

Производство для него, как мы уже неоднократно убеждались, – единственный фактор, определяющий стоимость, обретающий в процессе обмена отличное от рабочего времени относительное выражение. Поэтому эквивалентная форма здесь лишь пассивный результат косвенного выражения необходимого рабочего времени, затраченного общественно средней рабочей силой ткача на производство товара. Такая модель простого товарообмена фактически построена на том, что меру общественной необходимости трудовых затрат, обретающих в эквиваленте свою относительную самостоятельность, диктует исключительно само производство.

Между тем, подлинным активным началом рассматриваемого обмена является отнюдь не товар продавца, представленный, по

[127] Маркс К. Форма стоимости. Т. 49. С. 141.
[128] Маркс К. Капитал. Т. 23. С. 74.
[129] Там же. С. 61.

Марксу, в относительной форме стоимости, а товар покупателя, воплощающего в *данном отношении* самостоятельное, независимое от холста бытие стоимости в образе сюртука. Лишь в ходе обмена частный труд продавца получает общественное признание в лице покупателя, измеряющего в данном случае сюртуковой плотью овеществленные для других трудовые затраты ткача. Таким образом, вопреки анализу Маркса, содержание стоимости здесь воплощает сюртук, тогда как холст служит лишь той натуральной формой, в которой это содержание проявляется.

Как справедливо указывает Маркс, уже в простом товарообмене проявляются многие дремлющие противоречия стоимости и потребительной стоимости. Но здесь они носят пока неразвитый мимолетный характер без четкой фиксации продавца и покупателя, ибо каждый из участников обмена является одновременно и продавцом и покупателем, двоякую роль каждого из которых в ее односторонности позволяет раскрыть лишь анализ места, которое они занимают в противоположных выражениях простого или случайного товарообмена, проведенного под углом зрения дальнейшего развития рассматриваемых категорий.

Как показывает история, дальнейшее развитие рассматриваемых категорий происходило по линии фиксации их односторонности в виде товара продавца на одном полюсе и денег покупателя на другом.[130] Причем по Марксу, выставленные на продажу товары в ценниках сами определяли свои общественно-необходимые затраты. Хранителю товаров, – пишет он, – приходится одолжить им свой язык или навесить на них бумажные билетики, чтобы поведать внешнему миру их цены" в виде определенных количеств золота или бумажных знаков.[131]

Несомненно, марксовый анализ диалектики отношений продавцов и покупателей носил сугубо абстрактный характер, казалось бы, не имевший отношения к политическим бурям его времени. Но этот анализ исходил из данных той стадии рыночного развития, когда общественный характер производства обнаруживался лишь в совокупности множества видов конкретного труда, сосредоточенного в мануфактурах и фабричных заведениях, где занятому в них капиталу еще предстояло подчинить своему накоплению остальные сферы экономики.

Неразвитость связанных с этим капиталом рыночных отношений, естественно, не могла не сказаться на представлениях о них автора "Капитала". Его выводы о примате производства над потреблением,

[130] См. подробнее: Иванов Ю. М. Социализм каков есть. М., 2003.
[131] Маркс К. К критике политической экономии. М., 1951. С. 162-163.

иллюзорности общественно-необходимого труда заложенного в бумажных деньгах и благоприятных возможностях для введения натурального распределения послужили теоретическим обоснованием существования тоталитарного социализма.

Сказанное отнюдь не означает, что возникновение последнего в отсталых аграрных странах было прямым следствием указанных выводов. Появление здесь тоталитарного социализма было обусловлено независимой от них стихией классовой борьбы, что не исключало использования в ее ходе марксистских наработок в качестве исторического обоснования неизбежности рождения призванного осчастливить все человечество тоталитарного социалистического строя.

Иными словами анализ заложенной в товаре диалектики конкретного и абстрактного труда послужил Марксу и Энгельсу научным обоснованием их выводов, заложенных в "Принципах коммунизма" и "Коммунистическом манифесте", которыми так восторгались российские большевики в годы военного коммунизма. Вместе с тем этот же анализ позволил выделить постоянный и переменный капитал, послуживший отправной точкой в изучении производства прибавочной стоимости. По Марксу, постоянный капитал не в состоянии создавать прибавочную стоимость, создание последней – привилегия только переменного капитала, в своей конкретности переносящего уже овеществленный труд на новый продукт. При этом даже тогда, когда за счет использования постоянного капитала на *какое-то время* снижаются издержки производства, увеличение нормы прибавочной стоимости происходит в результате увеличения производительности труда, по-прежнему переносящему овеществленный в постоянном капитале труд на вновь создаваемую переменным капиталом стоимость. Такое производство прибавочной стоимости в отличие от абсолютного Маркс называл относительным.

Но всякое производство одновременно является потреблением и, наоборот, всякое потребление одновременно является производством. Их полезность, будь то в предметной форме – постоянного и переменного капитала – или в форме труда – овеществленного и в текучем состоянии, по Марксу, определяется способностью создавать прибавочную стоимость. Но это не означало, что всякий труд производителен. Его марксистское различение вытекало из известного положения А. Смита, согласно которому производителен только такой труд, который непосредственно создает прибавочную стоимость, тогда как труд, обусловленный обслуживанием личных нужд за счет доходов от прибыли и заработной платы, является непроизводительным, потому что, как полагал А. Смит, а вслед за ним и Маркс, этот труд непосредственно не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости.

С этой точки зрения, как пишет Маркс, "абсолютно установлено", что непроизводительный труд – это такой труд, "который *обменивается не на капитал,* а непосредственно на доход, т. е. заработную плату и прибыль (также, конечно, и на те различные рубрики, которые существуют за счет прибыли капиталиста, каковы процент и рента)".[132] Итак, Маркс, следуя А. Смиту, выделяет два личных дохода, в результате обмена на который труд, сгорая в пламени личных желаний потребителя, становится непроизводительным. Эти виды дохода – прибыль и ее рубрики, включая займы в банках для расходов на личное потребление, а также заработная плата.

Что касается труда, поглощенного личным потреблением за счет дохода от прибыли и производных от нее ренты и процента, то здесь вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что он всегда непроизводителен, ибо на деле он не создает ничего стоящего, поскольку вообще непосредственно не связан с производством каких-либо товаров, а, следовательно, стоимостей. Такой труд действительно представляет одну из форм непроизводительных издержек капитала, обусловленных существованием его владельца.

Маркс прав, когда пишет: "Как товары, покупаемые капиталистом для собственного потребления на часть прибавочной стоимости, не могут служить в качестве средств производства и увеличения стоимости, так и труд, покупаемый им для удовлетворения своих естественных и социальных потребностей, не является производительным трудом. Капиталист не превращает затраченную на них прибавочную стоимость в капитал... Буржуазная политическая экономия считала исключительно важным провозгласить накопление капитала первой гражданской обязанностью и неустанно проповедовать, что не может накоплять тот, кто проедает весь свой доход вместо того, чтобы добрую долю его расходовать для найма добавочных производительных рабочих, дающих больше, чем они стоят".[133]

Если под этим углом зрения проследить метаморфозы прибавочной стоимости в условиях тоталитарного социализма, то откроется поразительная картина: почти вся прибавочная стоимость использовалась непроизводительно, крайне сужая тем самым возможности расширения производства. Распоряжавшийся средствами производства директорат в натуральном виде поглощал львиную долю прибавочной стоимости. Таким же непроизводительным было

[132] Маркс К. Теории о производительном и непроизводительном труде. Т. 26. Ч. 1. С. 138.
[133] Маркс К. Капитал. Т. 23. С. 602.

содержание громадного аппарата насилия, призванного защищать обладавших властью партийно-государственных чиновников от протестных выступлений эксплуатируемых ими масс. Эти массы, строго говоря, не продавали свою рабочую силу. Они обязаны были трудиться из-под палки при минимально низких издержках своего содержания, преднамеренно сокращавших им жизнь.

Эту же тенденцию максимальной минимизации заработка рабочих в условиях капитализма подробно описал Энгельс в своей известной работе "Положение рабочего класса в Англии".[134] Не имея ничего, кроме собственных рук, проживая в грязных крайне перенаселенных жилищах, эти рабочие еще до получки тратили полностью все, что они получили за последнюю продажу рабочей силы, после чего начиналась распродажа принадлежавшего им хлама и поиски заимодавцев. Иначе говоря, продавая рабочую силу, английский рабочий в это время не имел ни грана прибавочной стоимости.

Неудивительно, что его жизнь в первой половине XIX в. напоминала жизнь рабочего отсталой России конца XIX в. Удивляться стоит другому: к этому времени английский рабочий уже вышел из скотского состояния, на которое его обрекал капитализм, тогда как российские рабочие даже в середине XX в. пребывали в еще более мерзком состоянии, будучи обречены на вымирание из-за тягот коммунистического всевластия.

Именно наблюдения в первой половине XIX в. жизни западноевропейских разнорабочих вообще и английских разнорабочих в особенности послужили Марксу и Энгельсу основанием под углом зрения предстоявшего огосударствления рассматривать способность рабочего к труду как нечто само по себе первозданное, связанное с его личностью лишь в той мере, в какой последняя обеспечивает его существование, поскольку труд, как они считали, является лишь временным потреблением рабочей силы.

С точки зрения огосударствленного производства, денежные расходы рабочих были действительно непроизводительными, как и их труд для удовлетворения собственных нужд. "Наибольшая часть общества, – пишет, например, Маркс, – т. е. рабочий класс, вынуждена сама для себя восполнять этот непроизводительный труд; но она может взяться за него лишь при условии, что она предварительно поработала "производительно". Рабочий может варить мясо только в том случае, если он произвел заработную плату, которую может заплатить за мясо".[135]

[134] Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. Т. 2.
[135] Маркс К. Теории о производительном и непроизводительном труде... С. 148.

Важно и то, что, согласно Марксу, не всякий фабричный труд, обмениваемый на капитал, непосредственно создает прибавочную стоимость. Он признает, что труд управляющего необходим для ее производства, но сам непосредственно не создает прибавочной стоимости. При этом, как он считал, при огосударствленном производстве указанное противоречие исчезнет, поскольку рабочие сами будут платить ему за его труд, тогда как при рыночном хозяйстве противоречие приобретает явно антирабочий характер, ибо зарплата управляющего выплачивается за счет капиталистической прибыли, создаваемой рабочим классом.

Маркс верно отмечал, что проблема оплаты управленческого персонала впервые была успешно решена А. Смитом, обобщавшим практику владельцев мануфактур. "Часть заработной платы на основе капиталистического способа производства, – указывает он, – выступает как *интегральная составная часть прибыли* (курсив наш – Ю. И.). Эта часть, как правильно установил уже Смит, выступает в чистом виде, самостоятельно и совершенно обособленно, с одной стороны, от прибыли (как суммы процента и предпринимательского дохода), с другой стороны, – от той части прибыли, которая остается за вычетом процента как так называемый предпринимательский доход, выступает в форме содержания управляющего в таких видах предприятий, размеры и т. д. которых допускают такое разделение труда, что можно установить особую заработную плату для управляющего".[136]

Не подлежит сомнению, что во времена А. Смита предприятия с таким разделением труда были скорее исключением, чем правилом. Иначе обстояло дело в последней четверти XIX в., когда на базе акционерного капитала множились тресты, концерны и т. п., в связи с чем Маркс и Энгельс доказывали, что по мере роста акционерных компаний производство "становится общественным", а его частнокапиталистические формы упраздняются.[137] Это дало им основание обоснованно утверждать, что "вследствие развития самой системы капиталистического производства капиталист вытесняется точно так же, как ткач, работающий на ручном станке".[138]

С точки зрения перехода к коммунизму, который отстаивали Маркс и Энгельс, рыночный путь представлялся тупиковым. По их мнению, даже в условиях исчезновения частного производства

[136] Маркс К. Капитал. Т. 25. Ч. 1. С. 422.
[137] Там же. С. 479.
[138] Энгельс Ф. Общественные классы – необходимые и излишние. Т. 19. С. 298-299.

общество оставалось (и это было верно) классовым, в котором один класс – директорат со своими прислужниками – живет за счет тех, кто непосредственно создает прибавочную стоимость.

Другую ущербность товарного производства они усматривали в том, что стоимость и прибавочная стоимость создавались лишь в промышленности в обстановке непомерно разросшихся торговли и услуг. Последние, как они полагали, способны были лишь паразитировать, что соответствовало представлениям об этих занятиях при тоталитарном социализме, где производство определяло все, а личное потребление было убыточным. "Рабочая сила и рабочее время, – пишет Маркс, – должны быть в известной степени затрачиваемы на процесс обращения (поскольку он является простой переменой формы). Но теперь эта затрата представляется добавочной затратой капитала; часть переменного капитала приходится затрачивать на покупку этих рабочих сил, функционирующих лишь в сфере обращения. *Такое авансирование капитала не создает ни продукта, ни стоимости* (курсив мой – Ю. И.). Оно, pro tanto, уменьшает размеры, в которых авансированный капитал функционирует производительно"[139]

Указанные аберрации были порождены не только устремлениями к тоталитарному социализму, но и неразвитостью рынка. Они были подобны видениям того, что не земля вращается вокруг солнца, а солнце вращается вокруг земли. На самом деле первичным обладателем прибавочной стоимости всегда является отнюдь не промышленный капитал, а капитал, превращавший натуральные потребительные стоимости и услуги в деньги, воплощавшие общественно необходимый труд.

Последний выступал в торговой форме, фиксируя цены в соответствии с платежным спросом. Этот спрос выражал общественную значимость труда, затраченного при производстве потребительных стоимостей и услуг, выражал в денежной форме то количество абстрактного труда, которое необходимо обществу для потребления товаров независимо от того, являются ли они производственного или личного предназначения. При этом общественно-необходимые затраты труда, естественно, как правило, не совпадают с фактическими. Если они выше последних, то весь излишек достается торговому капиталу и производителю услуг, если ниже, то в бедственном положении оказывается, прежде всего, несущий убытки собственник промышленного капитала.

Когда мы говорим, что марксизм умер, то подразумеваем, что умерли его представления о тоталитарном социализме, кратковременная

[139] Маркс К. Капитал. Т. 24. С. 151.

в масштабах истории жизнеспособность которого определялась существованием отсталых аграрных стран. Эти представления уже нельзя воскресить, несмотря на страстные желания их адептов. Когда мы говорим, что марксизм продолжает жить, мы подразумеваем намеченные Марксом и Энгельсом контуры развитого рыночного хозяйства, предсказанные ими возможные социальные последствия производства прибавочной стоимости.

От этих предсказаний нас отделяет более века. В полном объеме сегодняшнего состояния рыночных отношений, особенностей производства и распределения прибавочной стоимости во времена Маркса и Энгельса, разумеется, невозможно было предвидеть. Тем не менее, многое из того, что происходит сегодня, можно понять лишь в ходе осмысления их наработок. Об этом убедительнее всего свидетельствуют нынешние самодовольные сентенции тех, кто полагает, что только с них начинается подлинное понимание происходящих событий, тогда как все, что создано до их пришествия, в том числе и марксизм, есть только беспросветная череда ошибочных суждений.

Предсказанное Марксом и Энгельсом утверждение о рождении в условиях рынка общественного производства и замещение капиталистов директоратом сбылось полностью, как и сбылось полностью их утверждение о том, что в рыночной обстановке складываются новые классовые отношения в рамках непрерывно растущей единой армии наемного труда. В качестве обладателя капиталов директорат приобретает акции с целью извлечения прибавочной стоимости. Точно также могут поступать и те, кто ее создает, за счет сокращения собственного потребления. Естественно, что возможности такого приобретения акций у тех и других разные.

Вместе с тем присвоение прибавочной стоимости здесь уже перестает быть исключительной монополией директората, как это происходит при тоталитарном социализме. Определенная ее толика достается и тем, кто ее создает, поскольку потребление всех классов производится в счет кредита, предоставленного банками под определенный процент для приобретения по ипотеке дома, уплаты в рассрочку машины, мебели, домашнего оборудования и т. п. Причем размеры такого присвоения прибавочной стоимости возрастают по мере повышения жизненного уровня тех, кто ее создает.

Другое дело, что возможности приобретения подобных кредитов у директората и тружеников, создающих прибавочную стоимость, неодинаковые, что, естественно, порождает острые социальные контрасты. Причем в рыночной обстановке, такие контрасты режут глаз. Однако они менее велики, чем при тоталитарном социализме, где

создающие прибавочную стоимость обречены на вымирание, а вся прибавочная стоимость поступала в распоряжение партийно-государственного аппарата. Зато эти контрасты не так бросались в глаза, поскольку изобильная жизнь ему принадлежащих протекала за пределами людских глаз. Как пел в свое время Галич, “За семью заборами, сторонясь людей, гонят в одиночестве фильмы про блядей”, в то время как в условиях рынка ушлые журналисты, чтобы поведать миру свои изыскания, не гнушаются подглядывать в туалеты и постели преуспевающих кумиров.

Сбылось предсказанная Марксом еще в середине XIX в. и другая тенденция – тенденция исчезновения денег как таковых и превращение их в невидимые деньги, необходимые для расчетов по взаимным платежам. В отличие от товарно-денежного обращения, где сделки построены на одновременном участии реально действующих лиц, в платежных отношениях, как верно указывал Маркс, его участники до известного момента выполняют свои роли лишь идеально. Потребитель лишь по окончании определенного срока из идеального становится реальным покупателем, тогда как продавец только по истечении такого же срока в состоянии реально реализовать цену принадлежащего ему товара.

Опыт исторического развития убедительно показывает, что сфера взаимного погашения платежей через банки, как в прошлом, так и теперь неуклонно расширяется, занимая сегодня доминирующее положение в системе платежных отношений. В связи с этим товарообмен и обусловленные им стоимостные отношения во все большей степени опосредуются идеальными деньгами. Подобно шагреневой коже, сфера наличных неуклонно сокращается. В прошлом взаимные платежи погашали преимущественно крупные суммы, сегодня с использованием пластиковых карт они все решительнее внедряются у нас в розницу и услуги, предоставляемые населению.

Вместе с тем, идеальные деньги и взаиморасчеты отнюдь не ликвидируют реального платежного спроса, посредством которого осуществляется связь потребителя с производством. Более того, чем обширнее сфера взаимопогашающихся платежей и их централизация, тем больше возможностей точнее оценивать перспективы развития, как потребления, так и производства не только отдельных товаров, но и общественного производства в целом, в связи с чем все действеннее становятся меры, используемые для упорядочивания возникающих между ними несоответствий. Тот кризис перепроизводства, который случился в начале 30-х гг., уже давно стал невозможен. Видениями его грядущих бедствий тешат себя лишь тех, кто полагает, что рынок

тормозит общественный прогресс, да вторящие им бездумные журналисты.

Как известно, Маркс, считал торговлю непроизводительным занятием, лишь транспортировку товаров он относил к занятиям производительным, поскольку она доставляла товары потребителю. Но доставка товаров потребителю не ограничивалась только транспортировкой. Этим же занимались и все остальные звенья торговых заведений.

Сегодня снабжение товарами потребителя, принимая разнообразные формы, достигло такой степени развития, что торговля в старом виде исчезает все больше и больше. Покупатель сам выбирает товар, все чаще платя за него пластиковыми карточками, по которым в Японии уже теперь расплачиваются без посредничества кассиров. При тоталитарном же социализме с его системой негласных сословных привилегий и запрещений, соответствовавших разным рангам партийно-государственной иерархии, продавцы, отмеривающие покупки покупателей, были абсолютно необходимы.

У Маркса и Энгельса не было сомнений в том, что в условиях тоталитарного социализма развитие крупной промышленности "даст обществу достаточное количество продуктов, чтобы удовлетворять потребности всех его членов".[140] Сегодня мы можем констатировать, что в обстановке сформировавшегося развитого рынка с его приматом платежеспособного спроса потребителя, эта задача успешно решена. Теперь ограничителем уже стали не возможности производства, а платежеспособный спрос населения.

В условиях возрастающей конкуренции производителей множатся социальные потребности, требующие, как указывал Маркс "развития богатой индивидуальности, которая одинаково всесторонне и в своем производстве и в своем потреблении". Обязательный минимум знаний постоянно растет. Сегодня официально он равен знаниям средней школы, выходящим далеко за пределы традиционного десятилетнего обучения. Не подлежит сомнению, что указанный минимум будет расти и дальше, так что возможно не за горами и тот день, когда обязательными станут знания высшей школы.

Вместе с ростом знаний стираются грани между умственным и физическим трудом. В условиях рынка, каким бы трудом ты не занимался, это твое личное дело, обусловленное притязаниями заработать деньги. Причем занимающийся физическим трудом может заработать больше занятого трудом интеллектуальным и наоборот. Все зависит от конъюнктуры рынка рабочей силы. Всякий труд стал ценен

[140] Энгельс Ф. Принципы коммунизма... С. 335.

сам по себе как таковой. Таким образом, происходит стирание профессиональной однобокости интеллектуального и физического труда, о котором при переходе к коммунизму мечтали Маркс и Энгельс. Наоборот, при тоталитарном социализме указанная однобокость строго фиксировалась законами. Кадровики строго следили за тем, чтобы имевшие образование не допускались к физическим работам, работающие физически – к интеллектуальным.

Сегодня в нашу жизнь неотвратимо вторглись наукоемкие технологии, о возможность существования которых во времена Маркса и Энгельса нельзя было и мечтать. Между тем они играют все более значимую роль в четко обозначившихся процессах перехода к коммунизму в условиях существования рынка. В частности, благодаря их использованию степень интенсификации труда возрастает настолько, что требуется постоянно сокращать рабочую неделю, ибо в противном случае происходит падение производительности труда. В результате во всех странах с развитой экономикой рабочий день неуклонно идет на убыль, оставляя все больше времени для занятий учебой, спортом, семьей, путешествиями и т. д.

Другим аспектом применения наукоемких технологий является использование роботов, прежде всего, в трудоемких процессах, особенно там, где существует угроза здоровью работников, а также в сфере личных услуг. В наибольшей мере их использование достигнуто в США и Японии. Зарплата здесь достаточно высокая, чтобы производить замещение, в результате чего и по этой линии физический труд вытесняется интеллектуальным. Причем указанный процесс неуклонно интенсифицируется пропорционально совершенствованию рыночных отношений.

Наконец, компьютеризация привнесла кардинальные изменения в систему корпоративного управления. Внутри корпораций она привела к сокращению численности управленческого аппарата. Вспомним, с каким злорадством по этому поводу в свое время бездумно писали наши ученые мужи! В то же время эта же компьютеризация позволяет давать более точные оценки перспектив продажи множащихся в условиях конкуренции видов продукции и услуг. Как показывает опыт для этого достаточно понимания состояния рынка, умения преодолевать возникающие трудности, которые напрямую не зависят от знаний, приобретаемых в учебных заведениях.

Указанные вопросы, безусловно, требуют самостоятельного рассмотрения. Однако такое рассмотрение не входило в нашу задачу. Все, что мы пытались доказать, так это то, что переход к коммунизму, о котором мечтали Маркс и Энгельс, может быть осуществлен только в условиях рынка. Причем его особенности неизбежно будут оставаться

Подписано в печать 15.06.2006 г.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Печать на ризографе. Усл. печ. л. 5,5.
Тираж 250 экз.   Заказ № 59.

Отпечатано в типографии «Карпов».
109004, г. Москва, ул. Б. Коммунистическая, д. 1/5-7.
Тел.: 911-66-92, 509-73-40.